

Русалочьи сказки

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Карина Василь

Ссылка на публикацию

РУСАЛОЧЬИ СКАЗКИ

Зелёный вал отпрянул и пугливо

Умчался вдаль, весь пурпуром горя…

Над морем разлилась широко и лениво

Певучая заря.

Живая зыбь, как голубой стеклярус

Лиловых туч карниз.

В стеклянной мгле трепещет серый парус

И ветер на снастях повис.

Пустыня вод… С тревогою неясной

Толкает чёлн волна

И распускается, как папоротник красный,

Зловещая луна.

М. Волошин

Маленький пароход, величественно вздымаясь на волнах и шустро скатываясь с них, медленно подходил к острову. Не дойдя совсем немного, он остановился, перекатываясь на величественных гребнях. Брошенный якорь не давал пароходу слишком сильно перемещаться на колыхающейся холодной воде. В спущенной лодке, помимо лоцмана и гребцов, сидело всего три человека. Подойдя к каменистому берегу, двое мужчин ловко выпрыгнули на небольшой пирс и медленно пошли по деревянным мосткам к огромным валунам, лежавшим на берегу и, казалось, перекрывавшим проход к скалам вглубь острова. Третий мужчина в длинном пальто, полы которого распахивались от порывов ветра, и в широкополой шляпе, закрывавшей половину его лица, с помощью одного из гребцов, тяжело ступая, сошёл на берег. Он постоял, разминая ноги и оглядывая скалы, охранявшие берег, и придерживая шляпу от порывов ветра. Первый гребец грузно плюхнул у его ног огромный потёртый саквояж. Театрально приподняв кепку, он с жутким акцентом иронично произнёс, отвешивая шутовской поклон:

- Приятного отдыха, сударь. Счастливо оставаться.

Мужчина, оглядывая скалы, медленно опустил в его руку монету.

- Спасибо. Надеюсь, что так.

И, не глядя на усмехнувшегося гребца, он медленно пошёл по деревянным мосткам к валунам, между которых в скалы вела тропа.

- Чванливый англичанишка, - сквозь зубы по-датски, сплюнув, произнёс второй гребец, пытаясь оттолкнуть лодку от берега. Приливная волна упорно прижимала её обратно к гальке на берегу. – Считают, что весь мир принадлежит им.

- Не говори, - широко улыбнувшись, чем продемонстрировал щербину между зубов, на фарерском наречии сказал первый, подкидывая полученную монету в руке. – Чёртовы англосаксы.

- Не умничай, - осадил его второй.

Вдвоём они оттолкнули наконец лодку настолько, что можно было взяться за вёсла и возвращаться к пароходу. Лоцман, сидевший на корме, молча курил трубку, пуская белесые клубы дыма, запутывавшиеся в его седой бороде. Он задумчиво смотрел на удалявшуюся высокую фигуру на берегу. Его широкополая шляпа ещё мелькала между валунов, пока совсем не пропала за грядой скал.

- Это не турист, - сказал лоцман по-датски, вынув трубку изо рта. – Это потерянная душа.

- Потерянная или нет, но он ведёт себя как хозяин, - недовольно сказал первый гребец, налегая на вёсла.

- Что не помешало тебе взять его деньги, - проворчал себе под нос лоцман.

- Деньги никогда лишними не бывают, - сверкнул щербиной первый.

- И не пахнут, - буркнул лоцман в трубку.

- Я был бы не против, если бы они хозяйничали у себя дома, - сказал по-прежнему на датском второй гребец, оставив весло. – Но они ведут себя так по всему миру.

- А если ты не будешь работать, то они не только будут тобой хозяйничать, но и денег ты их не увидишь, - отрезал лоцман, снова вынув трубку.

Второй гребец, что-то недовольно бурча под нос, взялся за весло. Лодка, плавно покачиваясь на волнах, пристала к пароходу.

Мужчина в пальто и шляпе поднялся по тропинке на скалы. Выбравшись на небольшую площадку, окружённую поваленными глыбами, заменявшими скамьи, он тяжело опустил на ближайшую свой саквояж. Засунув руки в карманы пальто, он обернулся к уходящему пароходу.

- Вы приехали сюда для чего? Лечиться? – вдруг услышал он неподалёку.

Медленно обернувшись, он увидел худощавого мужчину, сидевшего на соседней глыбе. Его рыбацкий костюм был потрёпан. А в клочковатой щетине пробивалась седина. Он лениво жевал табак, время от времени сплёвывая коричневую слюну.

Почувствовав на себе взгляд, рыбак обернулся. На мужчину в шляпе смотрели ярко-голубые глаза на обветренном лице.

- А люди здесь лечатся? – спросил он рыбака.

- Раньше тут гейзеры били. Нервные дамочки приезжали греть свои головы, как пожилые джентльмены – свою подагру. Но уже давно всё закончилось. – Он выплюнул чёрный кусок жевательного табака и засунул в рот растрескавшуюся трубку.

- Тогда почему вы спрашиваете?

- А кто ещё поедет к чёрту на рога, в такую даль от материка или хотя бы родной Британии? Вы ведь британец? – Мужчина в шляпе кивнул. – Чем тут любоваться? Камни и холмы, даже леса нет. А дома здесь – только рыбацкие лачуги, каких в Бристоле и Плимуте полно. Один господский дом на холме – да и тот разваливается. Так зачем вы здесь, сэр? – Он спокойно набил трубку и неторопливо выпустил белёсый дым.

Мужчина в тёплом пальто помолчал.

- Мне нужно отдохнуть от семейных забот, - мрачно сказал он.

Моряк в рыбацкой куртке снова пыхнул трубкой, внимательно глядя на него.

- У вас умер ребёнок? – спокойно спросил он.

Мужчина отвернулся, глядя на море.

- И жена.

Оба мужчины помолчали.

- А чем вы занимаетесь? – спросил моряк.

- Да я… - Мужчина замялся. – Я стряпчий в конторе. И иногда пишу для газет.

- Вы не из этих? – подозрительно спросил моряк, попыхивая трубкой.

- Из каких?

- Ну, тех, что курят опий, пьют абсент, а потом пишут всякие ужасы?

- Ужасы?

- Ну… - Моряк засмущался. – Как мистер По, Шелли, Стокер.

- Шелли?

- Ну да. Который про оживший труп написал.

- Это была женщина. Мисс Мери Шелли, жена поэта Персиваля Шелли, совсем молоденькая девушка. Была, когда это написала.

- Ну надо же. – Моряк повернулся к морю.

Они снова помолчали.

- Неужели сочинение мистера Стокера до вас тоже дошло? Книжка вышла совсем недавно.

- И что? Мы не на Луне живём.

- Я этого не говорил.

- Ваш мистер Стокер наврал. Валашский князь был жестоким зверем, а не вампиром. А Дракула – это не его имя, а обозначение принадлежности его рода ордену Дракона – защитника правых. И звали его Влад по прозванию Цепеш, то есть, молот. Молот, который молотил врагов.

- Румынский князь. Из Трансильвании, - со знающим видом покивал мужчина в пальто.

Моряк с жалостью поглядел на мужчину в пальто и сказал, вынув трубку изо рта:

- Вы, лондонцы, считаете, что вы умнее всех. Но вы ничего не знаете. Когда был Влад, не было Румынии. А Трансильвания – это название территории, местности. А не страны. Как в Британии есть Корнуолл, Уэллс, Балтимор. Страна называлась Валахия.

- Откуда вы знаете?

- Поживи с моё, да поезди по свету. И будешь знать то, что лучше забыть.

Моряк отвернулся к морю и сунул трубку в рот. Они снова помолчали.

- В каждой местности есть свои сказки, - снова заговорил моряк. – И у нас тоже. Не слышали?

- Нет, - заинтересованно сказал мужчина в пальто. – Расскажите.

- Я рассказывать не умею – я моряк, - ответил мужчина в куртке, попыхивая трубкой. – Лучше всех у нас рассказывает старуха Герда – наша местная

травница и знахарка.

- Колдунья? – улыбаясь в усы, спросил мужчина.

Моряк вынул трубку и серьёзно посмотрел на него.

- Она знахарка. Ни один лондонский лекарь ей в подмётки не годится.

Мужчина в пальто решил оставить неоднозначную тему.

- А о чём ваши сказки? О привидениях влюблённых, что в полнолуние ищут друг друга на морском берегу?

- О русалках, - кратко бросил моряк и снова положил трубку в рот. Он отвернулся к морю, словно давая понять, что всё сказал.

- Русалках? – удивился мужчина в пальто. – Женщин с рыбьими хвостами?

- Именно, - не поворачивая головы, ответил моряк.

- И что же? Они заманивают корабли на рифы своим пением или юношей в омут своей красотой?

- Нет, - не поворачивая головы, сказал моряк, вынув трубку. – Они никого не заманивают. Они просто есть.

Он снова засунул трубку в рот и замолчал. На этот раз надолго. Мужчина в пальто ещё какое-то время подождал. Но, видя, что дальнейшего разговора не последует, медленно отошёл от него и направился вдоль отвесного берега. Спустившись вниз, у рыбацких хижин он спросил двух хмурых светловолосых мужчин про травницу Герду. Те указали ему на одиноко стоящий дом на отшибе, предупредив, что «старуха Герда» не любит посторонних.

Он направился к дому, скрытому за стеной валунов, плотно пригнанных друг к другу на высоте человеческого роста. Эта своеобразная крепостная стена шла вокруг всего дома, и заканчивалось простой деревянной калиткой. Но не успел он её открыть, как в дверях дома показалась закутанная фигура. Трудно было понять её возраст и разглядеть черты лица. Она пристально смотрела на него из-под платка, надвинутого на самые глаза.

- Что вам угодно, мистер Смит? – раздался глубокий голос с твёрдым акцентом из недр слоёв ткани. – Или вы хотите, чтобы я назвала ваше настоящее имя?

Мужчина в пальто изумлённо остановился. Глухой голос закутанной фигуры мог принадлежать и девушке, и зрелой женщине. Но никак не старухе.

- Откуда вы меня знаете? – спросил он.

- Островок маленький, а вы приплыли час назад. – Внимательные глаза, казалось, прожигали его насквозь. – Так как вас называть?

- Откуда вы можете знать моё настоящее имя? – настойчиво спрашивал мужчина в пальто.

Женщина пристально смотрела на него. Под её взглядом ему стало неуютно, но глаз он не отвёл. Фигура вздохнула и шире открыла дверь.

- Заходите. Через несколько минут поднимется ветер, и ваше пальто вам не поможет.

Мужчина вошёл в калитку и прошёл по замощённой булыжниками дорожке до двери. Фигура куда-то исчезла. Но когда он вошёл, за ним быстро захлопнулась дверь, и тяжёлый засов с шумом запер её. Мужчина резко обернулся. Закутанная фигура убирала руки от деревянного бруса и отряхивала их.

- Что вы делаете? – воскликнул он, схватившись за засов.

- Прекратите кричать, мистер Смит, - властно произнесла фигура. В этой короткой фразе её акцент звучал более резко и отрывисто. – Я же вам сказала – поднимается ветер. А мне вовсе не хочется потом искать свои пожитки по всему острову.

Фигура развернулась и степенно ушла внутрь. Поколебавшись, мужчина пошёл за ней.

В полутёмной комнате лачуги фигура размотала свои тряпки, и перед мужчиной предстала молодая женщина со светлыми волосами и широким славянским лицом.

- Так это вы – старуха Герда? – изумлённо воскликнул мужчина.

- Евфимия Ольгердова, - сказала женщина, гордо вздёрнув подбородок. – Но ваши косноязычные соседи переиначили меня в «старуху Герду»[1].

- Вы полька?

- Да. А что? – Царственная гордость так и сквозила в каждом слове и жесте этой странной женщины.

- Нет. Ничего. Значит, это вы колдунья? – Он разглядывал чёрные пронзительные глаза, широкие тёмные брови, вздёрнутый нос и упрямый подбородок женщины.

- Что за примитивное мышление? – презрительно сказала женщина. – Вы же не считаете человека, умеющего укрощать лошадей, колдуном? Или причетника, что знает библию наизусть? Вы, мистер Смит, умеете своими рассказами заинтересовать читателя, заставить его сопереживать, ненавидеть, плакать или смеяться. Но никто за это вас колдуном не считает. А я люблю природу. Наблюдаю за ней. Знаю, в какое время года какая трава наливается силой, какая ядом, в каких случаях человеку надо просто сказать доброе слово, чтобы он почувствовал себя бодрым и полным сил, а в каких заставить выпить настой из трав. Это не колдовство. Это жизнь.

Она замолчала. За стеной её домика начал завывать ветер. Мужчина поёжился.

- Так что вам угодно от меня? – холодно спросила женщина, подойдя к очагу.

- Я приехал на Стоура-Дуймун, чтобы забыть. Я искал уединённое место, чтобы отдохнуть от забот, пережить своё горе и не видеть людей, которым до меня нет дела. Которые любят совать свой нос, только бы разбередить раны и насладиться моими муками. – Он помолчал. Женщина слушала, помешивая варево в котелке над огнём. – Рыбак на берегу рассказал, что на этих островах тоже есть свои сказки, как на островах Британии. Про русалок. Будучи в Дании, я слышал сказку про русалку, которая полюбила принца и умерла от неразделённой любви. А что за сказки здесь?

- Как и везде, здесь есть свои легенды. На острове Калсой есть скала Трётльконуфингур – Палец женщины-тролля. Это неподалеку от поселения Скарванес. Если хотите, я расскажу вам эту легенду.

- А русалки?

- Здесь не любят говорить об этом.

- Почему?

- Потому что это не сказка. А реальность. Которая существует и по сей день.

- Но это же интересно! – Мужчина заинтересованно прошёл внутрь и сел на колченогий стул.

- Это не столько интересно, сколько страшно, - серьёзно сказала женщина.

- Почему же?

- А почему вы хотите это знать? Ведь у вас ужасов было совсем недавно предостаточно. Зачем вам снова щекотать себе нервы?

Мужчина задумался. После смерти жены и маленькой дочери он впал в мрачное состояние духа, чему способствовали и лондонские туманы. Целыми днями он бродил по трущобам Ист-Энда, наслаждаясь чужими несчастьями и отчаянием. Он был рад узнавать, что не одному ему на этом свете плохо. Он был возмущён, что его жена и дочь умерли, а мир продолжает существовать. И его радовало, что не все в нём счастливы. Он читал новеллы Эдгара По и наслаждался живописанием ужасов газетчиками. Иногда ему самому хотелось выкурить опий и впасть в забытье или уйти в ночь резать проституток Уайтчепела. Это было ещё одной причиной, почему он сбежал от людей. Когда он осознал тёмные глубины, в которые затягивается его душа, он, сохраняя ещё остатки человечности и цивилизованности, выбрал себе эти отдалённые острова между Исландией и Шотландией. Он рассчитывал на уединение среди редких рыбаков и пастухов. Он хотел дать покой истерзанной душе, которая была готова впасть в бездну зла. Но, видимо, такова его судьба, если зло преследует его и в этом богом забытом месте. Или же бог его так испытывает? Но в любом случае, он был заинтригован. Он всегда был падок до народного фольклора.

И теперь он сидел здесь, на краю мира, заинтригованный загадочными словами моряка на скале в болезненном ожидании новых щекочущих нервы рассказов. Вид женщины его обнадёживал, он мысленно потирал руки в предвкушении смакования новых ужасов. Одно его выводило из себя: испытующий взгляд женщины и её медлительность. Он не думал, что в этой глуши в ходу подозрительность и неверие и проклинал своё воспитание, которое не позволяло ему накинуться с расспросами на эту женщину прямо с порога.

- Вы уже знаете, где остановитесь? - спросила женщина. Она оставила своё варево и теперь разбирала сухие травы на столе.

- Нет. – Он удивился. Он так хотел уехать из Лондона, что не подумал о том, где здесь будет жить. Его погоня за ужасами поставила его в безвыходное положение.

- На этом острове есть дом с крышей, крытой торфом – всё, что осталось от «замка» бывшего владельца. Его ещё зовут «господский дом». Вы можете обратиться туда. Хозяин, Бартал Дьюрхус, будет рад компании. На нашем острове мало людей. Тот моряк, которого вы видели на берегу, Йостин Якобсен, не живёт тут. Он приезжает из Исландии на могилу жены.

Мужчина стоял, осмысливая сказанное. Моряк здесь не живет, но его жена умерла здесь. Интересная история! Хозяин бывшего замка – ещё одна история, которая должна быть интереснее и ужаснее обычной семейной драмы моряка. Он совершенно не знал прошлого этих островов – обломков скал в холодном

море. Но тёмная сторона его души уже проснулась и подняла голову, в ожидании новых пугающих историй.

- Вижу, вас заинтересовали наши маленькие тайны, - произнесла женщина. Она поворошила угли в очаге и зажгла ещё свечей. – Что ж, вы можете остановиться у меня, пока ветер не утихнет, а потом решите сами.

- А вы мне расскажете ваши истории? – подавшись к ней и чуть не вцепившись ей в руку, спросил мужчина.

Женщина вздохнула. Она провела руками по животу, как будто хотела стряхнуть какую-нибудь грязь.

- Не думаю, что вам надо именно это. – Она посмотрела в наливающиеся злобой глаза и с сожалением ответила: - Но так и быть. Воля ваша.

Она поставила перед мужчиной большую глиняную чашу с чем-то дымящимся, откуда исходил приятный запах, щекотавший нёбо.

- Вот вам история о человеческой подлости. Обычный житейский случай, каких много было и много будет. Ничего интересного. Но вы сами просили. Это случилось не здесь. Но здесь закончилось.

Женщина села за стол и подперла щёку кулаком. Глядя вдаль, она начала рассказ тихим певучим голосом, скрадывавшем её необычный акцент.

В обычной деревне в заливе недалеко от маленького городка однажды остановился потрёпанный корабль. С него сошла поразительной красоты женщина с девочкой двенадцати лет. Женщина была грустна и молчалива, дочь – серьёзна, необщительна и угрюма. Местный священник был покорён бледным лицом и влажными карими глазами трепетной лани пришелицы. Его проповеди с её приездом стали дышать неземной страстью и пылом, что было замечено немногими жителями деревни. Молодые девушки невзлюбили пришелицу, поскольку их очарование не шло ни в какое сравнение с её красотой и обаянием. Мужчины все, как один, возжелали сделать её своей. Но она неизменно качала головой и грустно улыбалась на их настойчивые предложения. Оскорблённые мужчины возненавидели её. Дамы в возрасте, обременённые и нет семьёй, втайне ревновали её к своим мужьям, те, которые их имели, и к своему священнику все без исключения. Юноши же, не обременённые моралью и воспитанием, осаждали её дом и окна, стремясь, если не овладеть силой, то хотя бы подглядывать за ней, спустив штаны. Дети, видя поведение взрослых,

швыряли в неё грязь и камни, а дочь её подвергалась жестоким шуткам и травле. Священник, с каждым днём проникавшийся к ней всё более, увещевал свою паству. Но та, как будто только злее становилась, видя явную склонность человека божьего к безропотному божьему созданию. На его заботу женщина отвечала ласковой улыбкой, что вселяло в священника смятение: надо вам сказать, что и деревня, и тот небольшой городок рядом были католическими. И, таким образом, священнику было запрещено желать женщину, подчиняясь целибату. Изнуряя себя постами и бичеваниям, молитвенными бдениями и веригами он пытался изгнать из своей памяти смущающее его лицо, а из своих чресл – желание. Но ничего не помогало. Желание обладать ею стало его наваждением. Одно вызывало его беспокойство: проницательный суровый и осуждающий взгляд, неотвратимый и безжалостный, которым смотрела на него её дочь. Она как страшный судия держала в узде его вожделение. Но в отсутствие неё он начинал склоняться к мысли, что никакого греха не будет, если он осенит и наполнит собой сей прекрасный сосуд греха. Что для этой неизвестной женщины будет благом, если он снизойдёт со своего сана к этой грешнице. Эта мысль настолько овладела им, что он подумывал о тайном браке - немыслимой и кощунственной вещи в его положении. Но то, что могли сделать кардиналы[2], не полагалось простому деревенскому священнику. Он не знал, как начать разговор с ней на эту тему, но она сама дала ему такую возможность.

В солнечное утро тёплого воскресного дня он произносил одну из своих самых пламенных проповедей, от чего груди всех без исключения женщин бурно вздымались, а щёки покрывались румянцем. Он говорил долго и красноречиво, живописуя ужасы ада и блаженство рая, обличая блуд и восхваляя добродетель, осуждая стяжательство и поощряя щедрость. В конце его речи солнечный луч, проникший сквозь витражи, пал на его чело, озарив его золотым сиянием. В экстазе от своей речи он настолько вознёсся над бренным миром, что не сразу заметил, что одной женщине стало дурно. Его наваждение потеряла сознание, пав на грязный пол. И ни один житель не двинулся с места ей помочь, брезгливо поглядывая на неё и перешёптываясь. Насупленная дочь сурово стояла рядом, взглядом прожигая окруживших её людей. Она пыталась помочь своей матери, но её руки были слишком слабы, и она только поддерживала её голову, чтобы ветхий чепец не пачкался о грязный пол. Священник спустился с небес на кафедру, а с кафедры – к пастве. Со словами упрёка он поднял на руки хрупкое тело и как драгоценную ношу унёс её, чтобы привести в чувство. Её дочь тенью следовала за ними.

Уложив красавицу на кровать, он не мог заставить себя уйти от неё и предоставить её рукам бездушных женщин. Он отирал ей лицо, касаясь её кожи и волос. Ему стоило большого труда удержаться, чтобы не целовать и не

обнимать её: за ним следили осуждающие глаза её дочери.

Когда женщина очнулась, она со страхом огляделась вокруг. Но, увидев его, её лицо озарила такая радость, что священник, не сдержав себя, пал к её ногам со словами любви на устах. Его пламенные речи были прерваны негодующим криком её дочери. Но мать, кротким взглядом велев ей замолчать, тихим и мелодичным голосом попросила её оставить их. Кажется, впервые почтительная дочь хотела пойти наперекор матери. Но принудила себя повиноваться. Оставшись вдвоём, женщина залилась слезами и мольбами о помощи: и она, и её дочь уже давно ничего не ели, и как им жить и на что – она не знала. Священник тут же предложил выход – тайный брак, давно лелеемый им. Успокаивая её ужас, он приводил в пример римских пап, некоторые из которых не только состояли в тайных браках, но и имели детей, который выдавали за племянников и племянниц. Уповал на то, что разрешение от целибата получить нетрудно. Что оглашать их брак нет надобности. Что его сан покроет её позор. Растерянная женщина не знала, чему верить и что делать. А слова священника, его пыл, его страсть и желание, читавшиеся в его глазах, поколебали стойкость бедной женщины. Она согласилась. И тут же, захваченная его напором и охватившим его счастьем, отдалась ему. В тот же день он ввёл её в свой дом, дав должность экономки, хотя вся деревня вскоре узнала истинное положение дел.

Нечестивая свадьба состоялась. Женщина с каждым днём становилась всё грустнее и грустнее, пока священник, недовольный её тающей красотой, не потребовал ответа. Заливаясь слезами, женщина показала ему стопку писем, который он никогда не видел. Это были послания некоего епископа, требовавшего, чтобы несчастная женщина предоставила свою дочь монастырю. Первые письма были полны увещеваний и сострадданий, последние – требований и угроз. Священник был возмущён: идти или нет в монастырь решают родители ребёнка. А мать явно не желала предоставлять церкви своё дитя. Предосудительное поведение, но не преступление, проступок, но не смертный грех. Он не понимал упорства женщины, но считал её вправе распоряжаться судьбой своего ребёнка. Письма продолжали приходить, и священник вознамерился поехать к епископу, чтобы увещевать его, уверенный, что прелат пал жертвой заблуждения или козней против несчастной женщины. И однажды ему самому пришло грозное требование, явиться пред светлые очи епископа, чтобы дать отчёт о своём возмутительном и нечестивом поступке. Обеспокоенный священник быстро собрался и уехал.

Епископ принял его весьма по-отечески: сурово, но сострадательно, возмущённо, но с жалостью отчитав его за порочную женитьбу на женщине, он показал ему документ о лишении его сана и отлучении от церкви. Бедный бывший священник

пал на колени и зарыдал, кляня козни женского пола. Тогда епископ с отцовской любовью поднял его с пола и прижал к своей груди, успокаивая и увещевая его.

Когда бывший священник пришёл в себя, епископ стал его расспрашивать о женщине, толкнувшей божьего человека на дорогу к аду. И по мере рассказа чело высокого сановника омрачалось всё более. Покачивая головой, он с печалью во взоре поведал впавшему в ужас бывшему священнику, что тот стал жертвой коварнейшей из женщин, которая давным-давно, будучи в возрасте, в котором благочестивые девушки вступают в брак, пыталась соблазнить его, епископа, своей юностью, красотой и внешней чистотой и невинностью. Он описывал поражённому мужчине, какими дьявольскими соблазнами завлекала его эта изобретательная, юная, но уже тогда глубоко порочная девушка. Со слезами на глазах, он рассказывал, сколько раз он просил её расстаться с порочной жизнью и встать на путь честный и порядочный, и сколько раз эта недостойная женщина отказывалась от благодати божьей ради утех телесных, как дьявольски соблазняла его речами о том, что бросит жизнь куртизанки, если он, епископ, отдастся в её власть, подпадёт под её чары и будет её содержать до конца своих дней и даже после. Возмущённый бывший священник не мог сдержать криков: он осознал, в какую бездну он пал. И, уходя от епископа, горько раскаивался в своём проступке, забывая, что сам жаждал обладать женщиной, которая никому не сделала зла.

Потерянный и оглушенный он долго ходил по городу, пребывая в глубокой меланхолии и трусливо помышляя покончить с бренной жизнью. Он взывал к богу, но бог не отвечал. Он простирал руки к небесам, но они оставались глухи. Он посыпал голову пылью дорог, по которым ходил, но лишь пугал этим почтенных горожан. Он рвал на себе волосы и сорочку, но его посчитали впавшим в безумие и обходили стороной.

Когда он вернулся к себе, его ожидало письмо от его обеспокоенной жены. Вне себя от тревоги, она вопрошала, почему он не пишет ей или не едет домой. Не вознамерился ли епископ посадить его в темницу? И, кротко поведала, что этот ужасный человек долго домогался её, честной и богобоязненной девушки, пользуясь тем, что она полюбила его, намного старше неё, первой пылкой любовью. Воспитанная в строгости и почитании церкви, она в смятении отказывалась от его посягательств, пока однажды, пользуясь дружбой с её отцом, он не пришёл к ней в дом и не опоил её. После чего взял силой, пользуясь её безволием и неспособностью противиться ему. Тяжесть греха легла на неё. Но ещё более её ужаснуло, что он потребовал от неё оказывать плотские услуги мужчинам, на которых он укажет. Попеременно пугая её то адскими муками, то горем отца, вдруг бы узнавшего обо всём, то расточая слова любви, то упрекая в

бессердечии и неблагодарности, он сотворил из неё куртизанку, весьма ценную и дорогую, но не видевшую от него ни любви, ни денег. Такая жизнь закончилась тем, что она забеременела и родила дочь, даже не зная, кто именно её отец, и подорвала своё здоровье подобной жизнью. Униженный её падением отец весьма скоро оставил её: одарив наследством ненавистную ей церковь, он бросился с колокольни. Епископ, получивший столь щедрый дар, во всеуслышание заявил, что это был несчастный случай. И самоубийца был похоронен как раскаявшийся христианин. Оставшись без средств, бедная женщина стала подвергаться преследованиям епископа, получившего лишний повод упрекать её в доведении несчастного отца до смерти и требовавшего от неё продолжать ремесло, а ребёнка, если она его не вытравила, пока это было можно, отдала бы в самый глухой, гнетущий и суровый монастырь, замаливать грехи недостойной матери. Женщина в ужасе отказалась, считая, что невинный ребёнок не виноват в её падении. Собравшись духом, она однажды бежала и скрывалась, где могла, от длинной руки епископа. Но, видимо, он её, всё же, разыскал.

Заканчивалось это грустное повествование трогательными словами любви, нежности и благодарности за участие этого бывшего священника в её жизни и робкой надеждой на скорое воссоединение.

Читая это безыскусное послание, бывший священник впал в несвойственную ему ярость: слова почтенного епископа подтверждались, коварство этой дьявольской женщины не знало границ. Она посмела оболгать столь святого человека! Хотя, чего ещё ожидать от столь сатанинской дряни, которая толкнула его на погибель души. В ослеплении он забывал, что сам преследовал её, домогался и, по сути, принудил отдаться. Не помня себя от гнева, он собрался и кинулся домой, делая как можно меньше остановок в дороге.

Дорога не остудила его. Наоборот, перечитывая её письмо на редких остановках, чтобы переменить лошадей и перекусить, он распалялся всё больше и всё быстрее спешил домой.

Промчавшись всадником Апокалипсиса по улицам своей деревни, он нашёл свою жену в покое и печали, мирно готовящей обед. Видя её невинное чело и чистый взгляд, дьявол обуял его, и с криками: «Недостойная грешница!» он стал избивать её кнутом, что держал в руке. Несчастная женщина, павши на колени, обливаясь слезами, молила пощадить её во имя их любви. Она призывала бога в свидетели своей невиновности и клялась ему в любви. Но это распалило безумца ещё более и, отшвырнув кнут, он схватил нож, которым бедняжка до этого мирно резала овощи, он ударил её, требуя покаяния. Но страдалица, обнимая и целуя его колени, слабея, говорила только о своей любви к нему. Он же, даже,

когда перестал слышать её голос, всё продолжал ударять её ножом. Громкий негодующий крик привёл его в чувство: её дочь, как ни спешила домой, прибежала только застать остывающий труп матери и безумца с ножом, убившего её. Тут только священник увидел, что он наделал. Осуждающий безжалостный взгляд девочки вселил в него страх. Он швырнул в неё нож и попытался скрыться. Девочка же, движимая дочерней любовью, отмахнулась от ножа и поспешила к матери. Она гладила её лицо, целовала потухшие глаза, звала и тормошила её. Она горестно взвыла, когда поняла, что уже ничто не вернёт ту к жизни. Этот звериный вой ещё более напугал убийцу, и он набежавшим на крики людям возопил, что дьявол в лице недостойной дочери пришёл по душу грешницы, что невинное дитя убило свою порочную мать, будучи во власти сатаны. Сбежавшиеся люди увидели трясущегося мужчину, размахивавшего крестом, и девочку с окровавленными руками над трупом своей матери. Гробовое молчание, воцарившееся после увиденной сцены, сменилось криками ужаса и ярости после воплей коварного убийцы. Девочку чуть не разорвали на части, но деревенский судья порешил, что это дело весьма важное и таинственное, не исключено вмешательство церкви, а не светской власти, и решать судьбу этого ребёнка будут другие люди. А сейчас её надо посадить под замок и надёжно запереть.

Когда избитого ребёнка в разорванной одежде проводили мимо убийцы, девочка бросила на него свой карающий взгляд и произнесла: «Бог уже осудил тебя, лишив разума. Скоро он покарает тебя, лживый убийца». Окружающие видели, как сильно вздрогнул он после этих слов, как спрятал в руках своё побледневшее лицо. И громкий крик вырвался из его груди. Расталкивая людей, он бросился вон из дому, не помня себя от ужаса и осознания содеянного.

Долго он бежал по холмам и долинам без дороги, преследуемый своими демонами, пока не устал. Остановившись у одинокой поваленной сосны, он с удивлением обнаружил, что там уже расположился ещё один путник, отдыхавший от тягот дороги. Разговорившись, недостойный убийца поведал, какой коварной властью он лишился сана. Спутник же рассказал ему, что он газетчик из самой столицы. Ездит собирать материал о недостойных служителях церкви. Ему рассказали историю о сановнике, что принуждал честных девушек заниматься позорным ремеслом. Несколько лет назад в одном городе он сам был клиентом такой несчастной женщины, чей отец умер, едва узнал о её падении. Он хотел помочь ей, но она исчезла вместе с маленькой дочерью, которую лживый церковник хотел заточить в монастырь. Но теперь он заблудился и ищет дорогу в город, где проживает тот сановник, чтобы узнать больше. Услышав имя своего благородного патрона и имя жены, которую тот сделал куртизанкой, бывший священник побледнел и потерял сознание. Придя в себя, он со слезами

раскаяния рассказал газетчику всё. Тот ужаснулся коварству убийцы, который взвалил всю свою вину на невинного ребёнка, чей грех был только в том, что она слишком пылко и нежно любила свою мать. И тут же воспылал желанием освободить бедное дитя. Удручённый бывший священник под бременем своей вины с радостью согласился ему помочь. Он проводил газетчика в деревню, и ночью, обманув легковерных деревенских стражей, они помогли девочке бежать.

Выйдя из деревни, убийца пал на колени перед сурово глядевшей на него девочкой и, простирая руки, взмолился о прощении. На что девочка ему отвечала: «Я прощу тебя, если моя матушка ещё раз обнимет меня, расчешет мне волосы, споёт колыбельную. Я прощу тебя, если она станет живой». Под гнётом этих слов убийца ушёл обратно в деревню, а газетчик и девочка уехали в ночь. И больше о них никто не слышал. Бывшего же священника нашли на следующее утро повесившимся напротив дверей своей церкви. А чтобы никто не усомнился в его деянии, он собственноручно о том написал и прикрепил к своей одежде прежде, чем накинуть себе на шею петлю. Назначенный на его место новый священник распорядился снести и церковь, и дом его, а место, где он похоронен, перекопать и забыть. Новая церковь, начатая строиться с его приездом, так и не была окончена. А сама деревня вскоре опустела. Теперь только дикие звери и птицы, да духи и привидения ходят среди руин.

Женщина замолчала. Отзвуки её мелодичного голоса ещё раздавались в полумраке её хижины, порождая перед мысленным взором мужчины картины, рассказанные ею. За окном завывал ветер, как бы сопровождая рассказ своей тоскливой песней. Тревожно постукивал дождь, словно просясь войти внутрь. Медленно горели свечи, отбрасывая причудливые тени на бревенчатые стены. Наконец тягучая, словно смола тишина опустилась над комнатой. Мужчина, заворожено слушавший женщину, как будто очнулся.

- Та девочка – это вы? А несчастная прекрасная женщина – ваша мать? – с жадным любопытством спросил он. – Вы сказали, на этих островах всё закончилось.

Женщина не ответила. Она встала и начала гасить свечи.

- Если вы не хотите ужинать, я покажу вам вашу комнату. Сегодня вы переночуете здесь, а завтра я провожу вас к Барталу Дьюрхусу. Там вам будет удобнее, чем здесь, - произнесла она, не глядя на него.

Разочарованный мужчина встал, подхватил свои пожитки и направился вслед одинокой свече, свет которой не разгонял мрак коридоров и не освещал предательские ступеньки.

Оказавшись в неожиданно уютной комнате, где, однако, не было очага, он наскоро разделся и юркнул под пуховое одеяло, дрожа от холода, на мягкую перину, объявшую его словно облако. Понежившись, он закрыл глаза, вслушиваясь в вой ветра за окном. За стеной он слышал шаги хозяйки и её негромкое бормотание. Он заново повторил про себя её рассказ, и злобно чему-то улыбнулся. Бормотание женщины затихло. Где-то прошелестело платье, открылась и закрылась скрипучая дверь. Наконец все шумы смолкли, и сон сморил его.

Следующее утро встретило его затуманенным солнцем, лениво перекатывавшимися волнами и свежестью недавно прошедшего дождя. Наскоро умывшись холодной водой, подогрева которой он не стал дожидаться, мужчина, дрожа от холода, вышел из комнаты, закутавшись в своё пальто. Поплутав по узким коридорам, которые стали лишь немногим светлее, чем вчера, он нашёл свою хозяйку за шитьём у очага, где в небольшом котле снова что-то варилось.

Заметив его, женщина отложила своё вышивание, в котором мужчина с удивлением узнал мужскую куртку.

- У меня гостей не бывает, да я их никогда и не жду. – Женщина встала и спокойно налила в кружку что-то ароматное и дымящееся. Мужчина машинально взял её в руки и обхватил ладонями, согревая их. – Поэтому, если комната вам не понравилась, я извиняться не буду. Я вас к себе не приглашала. И у меня не постоялый двор и не гостиница.

Она снова взяла в руки куртку и иголку.

Мужчина дёрнулся и запустил руку в карман пальто.

- Мне не нужны ваши деньги, мистер Смит, - неприязненно сказала женщина, не поднимая на него глаз. В её голосе снова прозвучал тот отрывистый и резкий акцент, как тогда, когда вчера она приказала ему замолчать. – Вчера вы принудили меня рассказать вам одну сказку – вы её услышали. А сегодня я хочу, чтобы вы уехали. Или хотя бы покинули мой дом.

- Но в замок вы меня проводите? Вы же обещали вчера. – В мужчине вдруг проснулась его чёрная сторона. Но в глазах женщины, сурово глядевших на

него, не было страха. – Без вас сам я не найду дороги.

- Это не настоящий замок. Так мы тут называем «господский дом» – единственный из камня на всём острове. И не лукавьте – его найти просто: он виден с любого мало-мальски высокого холма.

Женщина снова неприязненно посмотрела на него.

Мужчина допил непонятную жидкость, которая согрела его и придала сил, и остался стоять в нерешительности, вертя пустую кружку. Видя, что завтрака он не дождётся, он поставил кружку на стол и пошёл к двери. Женщина всё так же спокойно шила.

Завернув в свою комнату, мужчина собрал свои нехитрые пожитки и вышел за порог негостеприимного дома. Подойдя к калитке, он облокотился на неё и стал оглядывать ту часть острова, которая была в пределах его видимости.

Дом Евфимии, хоть и стоял в стороне, но возвышался на небольшом пригорке. Остальные редкие дома были построены ближе к берегу. От калитки простиралась огромная зелёная поляна, на дальнем конце которой на большом холме возвышался квадратный дом, окутанный утренней дымкой. Справа от калитки, где стоял мужчина, среди зарослей, грязи и поломанных вчерашним ветром веток притаилась тропинка, по которой мужчина вечером пришёл сюда.

Стоя у калитки, он никак не мог заставить себя переступить порог и закрыть за собой дверь. Ему казалось, что с этим жестом какая-то часть будет закрыта для его жизни. Ему представилось, что едва он закроет калитку, дом «старухи Герды» исчезнет, как исчезают в сказках дома колдуний и сокровища, неправедно присвоенные. Наконец он вздохнул и решительно толкнул калитку.

Проходя по поляне, он видел огромные мокрые камни, лежавшие, казалось, со дня появления острова, и столь же редкие ветки, занесённые сюда вчерашним ураганом. Небо, хоть и затянутое белой пеленой, было спокойным и умиротворённым в своей смертельной неподвижности. Ветра не ощущалось, но было весьма свежо. И холодно. Мужчина поднял ворот пальто и уткнулся в него носом – сырость пробирала до костей. Со своего места он видел крутой грязно-зелёный склон, заканчивавшийся чем-то вроде узкого длинного залива среди призрачно-голубых скал, уходящего куда-то вглубь острова. Скандинавы называли такие узкие заливчики, как будто разрезанные божественным ножом берега, фьордами. И он решил, что этот тесный залив среди высоких берегов может быть именно им.

Он оглядел остров. В стороне от дома Евфимии темнели торфяники, над которыми повисло одеяло тумана. Деревьев на острове было мало и в основном хвойные. Как оазис в пустыне, он заметил тёмное пятно стройных кедров, а, дойдя до «замка», он обнаружил, что тот огорожен с одной стороны вперемешку низкорослыми елями, клёнами и ясенями. Неподалёку от «замка» мужчина заметил вересковую пустошь. Весьма унылый пейзаж даже для привыкшего к лондонскому смогу, однообразию и безжизненности англичанина.

Оглядев ещё раз окрестности, мужчина решительно направился к калитке низенького заборчика, как и у дома Евфимии, состоявшего из пригнанных друг к другу больших камней. Открыв её, он в изумлении остановился: прямо перед крыльцом на большом дворе дородная женщина в цветастом платке на голове и в чём-то напоминавшем овечий тулуп спокойно кормила домашнюю птицу, разбрасывая корм и покрикивая на некоторых особо шустрых. Справа у корыта похрюкивали свиньи, слева чинно разгуливали упитанный полный достоинства и чванства индюк и самоуверенный наглый чёрный петух с ярко-красным гребнем, изредка норовивший клюнуть его сзади. Где-то за домом блеяли овцы и мычала корова.

Мужчина с удивлением оглядывал этот скотный двор. Теперь он понял, что именно ему хотела сказать Евфимия о «замке». Он перевёл взгляд на дом. Добротно сработанное здание, сложенное из необработанных камней, тем не менее, производило внушительное впечатление. Два этажа с небольшими окнами и крыша, крытая торфом, на которой сейчас копошился какой-то человек. Да, это крепко сделанное строение можно было назвать замком на фоне деревянных домов и домиков остальных обитателей острова. А строения рыбаков, которые он видел, вросшие в землю и местами покосившиеся, вообще были похожи на лачуги бедняков трущоб Лондона. Мужчина усмехнулся про себя и сделал поправку на столь странное и суровое чувство юмора здешних обитателей.

Женщина, закончив кормить птицу, повернулась к нему. На вытянутом лошадином лице не отразилось никаких эмоций, как будто она каждое утро встречает незнакомцев на своём птичьем дворе.

- Вы бы хотели остановиться у нас? – низким грудным голосом спросила она по-датски, без интереса оглядывая его. Видя его молчаливое непонимание, она повторила по-английски, слегка коверкая слова.

- Да, - растерянно сказал мужчина. – Я хотел остаться на этом острове какое-то время. Но мне негде остановиться. Мисс Евфимия не слишком гостеприимная хозяйка.

- Кто? – Белёсые брови женщины слегка приподнялись.

- Евфимия Ольгердова, ваша знахарка.

- А, Старуха Герда. – На лице женщины появилось что-то, похожее на улыбку. – Видимо, вы её чем-то задели. Она не выпроваживает гостей.

- Может, потому что я новичок на этом острове и незваный гость? – Он злобно улыбнулся. Но выражение лица женщины не изменилось.

- Она приветлива со всеми, - спокойно сказала она.

Ничего не добавив, женщина повернулась и пошла ко входу в дом. Мужчина, подождав с минуту, нерешительно пошёл за ней.

Войдя внутрь, он оказался в просторном сумрачном зале, где стоял всего один стол и небольшая пыльная барная стойка в углу. Направо от входа полураскрытая дверь рядом со стойкой вела в небольшую комнату, где, как заметил мужчина, стояли в ряд стулья и виднелся угол кафедры. Видимо, это было местом молитв небольшого числа жителей острова. Слева от этой двери в полумраке пряталась лестница, которая вела на второй этаж.

Разглядывая нехитрое убранство дома, мужчина услышал шум за своей спиной. Вытирая руки о какую-то ветошь, из глубин дома к нему направлялся мужчина. Когда он подошёл поближе, гость рассмотрел его: плотный, с небольшим брюшком, высокий с приятным вытянутым как у жены лицом и неправдоподобно голубыми глазами, хозяин с улыбкой протягивал ему руку.

- Доброе утро, - с лёгким датским акцентом сказал он. – Я Бартал Дьюрхус, хозяин этого дома. А это моя жена Алва. – Он кивнул куда-то в глубину комнаты, куда исчезла полная женщина с лошадиным лицом. Гость даже не заметил, когда и как. – Наш сын, Синдри, ещё вчера ушёл в море ловить гринд.

Мужчина протянул хозяину руку.

- Меня зовут мистер Смит, - сказал он, пытаясь сдержать гримасу от прикосновения к руке хозяина. – Я приехал из Лондона, чтобы… - Он замялся, – чтобы кое-что забыть.

На улыбающемся лице хозяина отразилась печаль, его глаза увлажнились.

- Вы потеряли кого-то из близких? – сочувственно спросил он, подводя гостя к столу. Машинально смахнув пыль тряпкой, которую держал в руках, он усадил гостя на жёсткий стул. На этот раз тот не смог удержаться от брезгливого

выражения лица, которого, впрочем, хозяин не заметил. Тот метнулся к барной стойке, что при его габаритах выглядело весьма забавно, и, прихватив два стакана и бутылочку с тёмной жидкостью, сел рядом. Гость с удивлением наблюдал за его манёврами. Его застывшее лицо выражало надменность и презрение.

Оглядев сомнительной чистоты стакан, он решительно отставил его от себя. Тут же под его носом появилась тарелка с яичницей и зеленью, чей аромат щекотал ноздри голодного гостя. Так же неслышно появился кувшин, в котором тягуче пахло мёдом.

Гость удивлённо поднял глаза: хозяйка, всё такая же спокойная и невозмутимая, неслышно двигаясь, расставляла на столе тарелки и кружки. Её непроницаемые глаза всё так же бесстрастно смотрели на него, а лицо не выражало и тени любопытства.

Обслужив мужчин, хозяйка так же неслышно исчезла, как появилась. Гость под любопытным взглядом хозяина, прихлёбывавшего из кружки, с недоверчивостью потыкал в тарелку. Под слоем зелени и овощей он обнаружил кусок мяса, оказавшегося неожиданно вкусным. С проснувшимся аппетитом, он накинулся на тарелку, не обращая внимания на нетерпение хозяина.

Когда насытившийся гость отодвинул пустую тарелку и откинулся на спинку стула, запивая завтрак мёдом из кувшина, хозяин довольно кивнул:

- Одна из радостей этого острова это то, что Алва умеет готовить. – Он похлопал себя по брюшку. Гость чуть не поперхнулся вульгарности жеста. – Этот эль, - хозяин указал на кувшин в руках гостя, - она варит сама из вереска, что растёт рядом. За домом у нас пасека, и она добавляет пчелиный мёд. Ручаюсь, что такого эля вы нигде не пробовали.

Гость кивнул. И правда, эль был мягок, легко пился, не бил в голову, только слегка туманил ум. И к концу кувшина гость уже был не столь надменен и сдержан. Участливое лицо хозяина, его дружеский тон, а, главное, третий кувшин эля развязали его язык. И он поведал этому совершенно незнакомому ему человеку свою печальную историю.

Мистер Смит был обычным конторским клерком, который изредка марал бумагу для дешёвых газетёнок. Он мнил себя поэтом и даже издал за свой счёт маленький томик стихов, столь же бездарных, сколь и запутанных. Разочарованный в поэзии, он ударился в коллекционирование. Собирая дешёвые

марки, он мечтал, что среди мусора ему попадётся жемчужина. Изредка он бросал свою беременную жену, кроткое и терпеливое создание, принёсшее ему неплохое приданое, растраченное им на квадратные кусочки бумаги, чтобы встретиться с продавцом очередной дешёвки. Впрочем, в его коллекции попадались и неплохие экземпляры, которые, однако, не тянули ни на жемчужины, ни на бриллианты.

Когда у него родилась дочь, радости его не было предела. Хотя в их маленькой квартирке из двух комнат итак было тесно. Однако весьма скоро он охладел и к ребёнку, и к жене. Новая мания овладела им: он во что бы то ни стало захотел разгадать тайну Джека Потрошителя, чьи деяния ещё были свежи в памяти лондонцев. Он пропадал в библиотеках, полицейских участках, редакциях газет, бродил по зловонным улицам Уайтчепела. Возможно, именно оттуда он и принёс болезнь, которой заразилась его маленькая дочь. Весёлый, неугомонный и жизнерадостный ребёнок, только недавно начавший ходить и говорить, и освещавший своей улыбкой тёмные углы мрачной комнаты, сделался тих, бледен и молчалив. С каждым днем угасала её улыбка. С каждым днём её кожа становилась тоньше и прозрачнее. С каждым днём слабел её голос. А он, занятый собой и своими поисками, не видел ничего. На робкие, поначалу, просьбы его жены привести врача, он отмахивался – потом. Позже её возраставшая настойчивость и решимость стали его раздражать, и он уходил в ближайший паб, чтобы не слышать требований жены и не видеть любящего взгляда страдающей дочери. Но однажды его жена решительно загородила собой дверь и слабым, но твёрдым голосом потребовала, чтобы он привёл врача. Разглядывая её бледное лицо с тёмными кругами под лихорадочно блестевшими глазами, похудевшие руки и потускневшие волосы, он с раздражением пересчитал свои скудные средства и сквозь зубы пообещал выполнить возмутительное требование жены. Только после его клятвенного заверения, женщина, шатаясь, отошла от двери и как подкошенная рухнула на кровать. Он же сам весьма не торопился выполнять, как он считал, капризы жены, вызванные её истерическим и слишком возбудимым, свойственным всем женщинам, отношением к жизни. И только ближе к ночи врач был приведён. Это был недоучившийся студент, который мало смыслил в медицине, но более чем скромно брал за свои консультации. Это устраивало мистера Смита. И, не считая нужным тратиться на сведущего лекаря, он привёл дочери недоучку, который понятия не имел, как её лечить. Он ограничивался кровопусканиями, которые только больше ослабляли ребёнка, приближая её конец, и припарками и примочками, которые совсем не помогали. В результате подобного «лечения», через четыре дня ребёнок умер на руках безутешной матери. Смерть дочери как громом поразила мистера Смита. И ещё более его изумило, что его всегда покорная и кроткая, незлобивая и спокойная жена как фурия набросилась на

него с криками и обвинениями. Она швыряла его кляссеры с марками - давно уже ненужным хламом пылившимся в шкафу, его заметки о Джеке Потрошителе, что некоторые долетали даже до камина. Сгореть им было не суждено, поскольку из-за отсутствия денег угля топить камин у них не было. Наконец она изорвала и швырнула ему в лицо его томик стихов. Этого он уже не смог стерпеть. И впервые в жизни он ударил жену. От его пощёчины ослабевшая женщина отлетела в другой угол комнаты, ударившись о кровать и потеряв сознание. Он постоял над ней несколько минут, но, видя, что она не приходит в себя, в сердцах плюнул и ушёл, хлопнув дверью. В этот день он напился больше обычного и пришёл под утро, еле держась на ногах. Не обратив внимания на закрытую дверь спальни, он уселся в передней комнате на стул и, положив голову на стол, забылся сном. Очнулся он, когда уже был полдень. Дверь спальни была, по-прежнему, закрыта. Мучимый раскаянием, он открыл дверь и вошёл в комнату. Его жена лежала в кровати и смотрела в окно. Она не повернулась на его появление и не ответила на его слова. Снова и снова он обращался к ней, но она не сводила глаз с окна, за которым белел кусочек неба. Её упорное молчание рассердило его тем более, что в нём он чувствовал безмолвный упрёк, и чувство вины снедало его. Он не посмел снова ударить жену, чтобы она заговорила с ним или хотя бы встала с кровати, чтобы заняться своими обязанностями. И в ярости он снова ушёл в паб.

День проходил за днём. Его жена не вставала с постели и не говорила с ним. Он вынужден был сам заботиться о себе, что его весьма раздражало. Его соседи жалели его, жалели, но неодобрительно осуждали его жену, забросившую свои обязанности, жалели их дочь, с затаённым наслаждением обсуждая детскую смертность и болезни. Их досужее любопытство, болезненная жажда смаковать чужое горе и добродетельная навязчивость злили его. И вскоре весь меблированный дом считал, что смерть его дочери – его заслуженное наказание. Его оставили в покое. И только молчаливо лежащая в комнате жена оставалась ему немым укором. Но вскоре умерла и она – просто однажды не проснулась утром, сжимая в своих похолодевших руках любимую игрушку ребёнка: потрёпанного и залатанного серого кролика.

Похоронив жену, мистер Смит впал в такую бездну отчаяния от осознания своей вины и безысходности, что редкие оставшиеся друзья забеспокоились. Наблюдая, с каким упоением он начал читать ужасные сочинения различных авторов, они посоветовали ему сменить обстановку. Поразмышляв, мистер Смит распродал, частью подарил свой филателистический хлам и выбрал весьма безлюдную и сомнительно цивилизованную местность – обломок мира в океане, где нет людей и где он может спокойно прийти в себя и решить, как жить дальше.

Во время всего рассказа по лицу хозяина текли слёзы. Под конец он так расчувствовался, что чуть не пал на грудь своего гостя. Но тот брезгливо отодвинулся, чтобы избежать подобного проявления сочувствия. Он не заметил, что из тёмного угла комнаты за ним наблюдают холодные серые глаза бесстрастной хозяйки. Она уже шевельнулась, чтобы подойти к ним и убрать со стола, но тут входная дверь отворилась, и в помещение вошёл высокий крепкий человек в рясе с выбритой тонзурой на макушке. Лицо хозяйки неуловимо изменилось – на нём появилось подобие грустной улыбки.

- Добрый день, отец Фолкор, - произнесла она, направляясь к нему. На гладко выбритом лице священника отразилась та же грустная улыбка. Он кивнул хозяйке и неторопливо стал отряхивать запылённую рясу. – Вы снова на два дня? – спросила хозяйка, стряхивая пыль с его спины и плеч.

- Да, Алва. Я проведу тут выходные, а потом вернусь обратно.

Он ещё несколько раз похлопал себя по рукавам и направился к столу, за которым сидел мистер Смит с хозяином.

- А ты, Бартал, я смотрю, не изменился, - сказал он, указывая на кувшин с элем. – Ещё утро, а ты уже потчуешь гостя спиртным. – Он оглядел мистера Смита внимательными светлыми глазами, заметив его беспокойный дух и какую-то тёмную злобу в глубине глаз.

Мистер Смит встал, неловко поклонился и негромко представился, слегка покачиваясь от выпитого.

- Будет вам, падре, - произнёс Бартал, откидываясь на спинку стула. – Человек с утра ничего не ел. А мой эль — это нектар, который веселит тело и дух. Это не какое-то английское пойло, после которого добрые лютеране бросаются с кулаками друг на друга. Тем более мой гость рассказывал свою историю. Бедный молодой человек! Как его не утешить кружечкой эля?

- Вы католик, сударь? – спросил он, усаживаясь на свободный стул.

- Нет, я протестант, - ответил мистер Смит, медленно опускаясь на своё место.

- Как бы там ни было, я готов выслушать вашу исповедь в любое время. Здесь или на Сандое в Сандуре. Мункастован в Торсхавне тоже неплохое место, если вы ищите уединения. Бог един, и не думаю, что ваш пастор будет против, если вы облегчите душу другому христианскому служителю.

- Спасибо, святой отец, - натянуто произнёс мистер Смит. Как любой протестант он с недоверием относился к папистам. – Но в данный момент я нуждаюсь в ином покое.

- Ну как бы там ни было, здесь я буду ещё два дня. А потом отплываю на материк. Если я вам понадоблюсь, Бартал подскажет, где меня найти.

- Вы очень любезны, - холодно сказал мистер Смит.

Он явно ждал, когда священник уйдёт. Но тот, словно не замечая нараставшего напряжения, сидел, сложив руки перед собой и застывшим взглядом смотрел в одну точку. Очнулся он лишь тогда, когда хозяйка поставила перед ним тарелку и стакан с водой. Он с грустной улыбкой поблагодарил её и молча начал есть. Мистеру Смиту не оставалось ничего иного, как докончить свою трапезу и попросить хозяина показать ему комнату. Тот от избытка чувств, готовый уже обнять и расцеловать гостя, повёл его на второй этаж.

Комната была проста и незамысловата, как и всё в этом доме и на этом острове. Простая кровать, грубо сработанный стол, стул, добротный потемневший от времени шкаф, столь же солидный комод и глиняный кувшин в простом жестяном тазу. Всё по-спартански сурово и просто. С трудом избавившись от ставшего после возлияний излишне дружелюбным хозяина, мистер Смит разместился и решил побродить по острову, расспросить местных жителей о легендах и преданиях. Не может быть, чтобы вы этой суровой местности с отвесными утёсами и узкими фьордами и наверняка с сонмом пещер и тоннелей нет своих ужасных историй, нет привидений, нет легенд. Евфимия Ольгердова говорила о скале на каком-то здешнем острове, а моряк на берегу – о русалках. Надо это вызнать.

Чувствуя, как всё сильнее ему хочется окунуться в ужасы и пощекотать себе нервы, мистер Смит распахнул дверь и вышел в коридор. Там он наткнулся на хозяйку, которая держала в руках таз с бельём. Её суровое лицо было без тени улыбки, а внимательные серые глаза, казалось, читали в его душе.

- Я не знаю, зачем на самом деле вы здесь, - холодно начала она без намёка на симпатию или приветливость. – Что ваш рассказ заставил меня думать о вас – я оставлю при себе. Но одно то, что Старуха Герда не захотела приютить вас, говорит о том, что вы появились на острове не с добрыми намерениями. И чем скорее вы уедете – тем лучше.

Мистер Смит был удивлён. Его раздосадовала проницательность этой простой женщины и возмутила её фамильярность.

- Вашему мужу не нужны деньги, которые я плачу? – язвительно спросил он.

- Пока вы ещё ничего не заплатили, - холодно парировала женщина, передвинув таз на другой бок и уперев его в бедро. – А мне и моему мужу дорог покой и умиротворение, в котором мы жили. Теперь, с вашим приездом, боюсь, этому пришёл конец.

Она повернулась, чтобы уйти.

- Почему? – требовательно спросил мистер Смит, останавливая её.

- Спросите Старуху Герду, - не поворачиваясь, ответила хозяйка. – Она вам понятнее объяснит. Я не умею складно говорить.

Она поправила таз и молча проследовала мимо недовольного постояльца. Тот едва не двинулся, чтобы придушить эту наглую крестьянку. Но взял себя в руки. Слава богу, жажда убийства ещё не овладела его разумом. Но он начал склоняться к мысли, что некоторым человеческим особям решительно нечего делать на земле, и убийство их – благо для окружающих.

Весь день он провёл, разгуливая по острову, который обошёл вдоль и поперек часа за три. Он любовался однообразием пейзажей, полуприкрытых туманной дымкой. Дойдя до рыбачьих хижин, он мог насладиться рассказами старого полуслепого моряка, которого застал в одиночестве, как тот в детстве вместе со своими соседями и братьями выходили на забой гринд – чёрных дельфинов, - когда они ещё проживали на Воаре. Сейчас этим промышляют его сыновья, которые живут на Кальсое и Куное со своими семьями. Дочери его разъехались на Борой и Сувурой. Мистер Смит спросил его, почему он остался здесь, на Стоура-Дуймун? Ведь он здесь один, без помощи и поддержки. На что старик, улыбаясь в белую бороду и глядя куда-то в одно ему видимое место своими слепыми глазами, отвечал:

- Я старик, я слаб. Я ни на что не годен. Даже, как нянька своим внукам я не сгожусь. И какой из меня пастух? Да овцы разбредутся по острову – я не замечу. А у моих детей и без меня забот хватает. У них семьи. Их нужно поднимать на ноги. И им некогда следить за старым слепцом. Всё, чему я мог их научить, я научил. А теперь их время. Моё – здесь. Когда они могут – навещают меня. Но и это скоро закончится – я слишком зажился на этом свете.

Мистер Смит с удивлением слушал его монолог. Он не понимал этих людей. Их невозмутимое спокойствие и фатализм, покорная обречённость и вместе с тем

неуловимый налёт мистицизма щекотали сумрачные струны его души. Он не понимал, что за чувства вызывают в нём люди этого острова. Скандинавы, конечно, столь же хладнокровны, сколь и англичане. Но неуловимая разница в их невозмутимости, всё же, была. Англичане были холодны разумом. Нет, они, конечно, ценили красоту природы. Но если эта красота мешала прибыли, они без зазрения совести или трепета души вырубали леса, чтобы построить завод. Или рыли карьер или шахты. Скандинавы же жили в гармонии со своей холодной природой. Они не уничтожали её. А подчиняли, заставляли служить. Мистер Смит вспомнил обилие мельниц Дании, о которых ему рассказывали тосковавшие по родине датчане-клерки в его конторе. Да, он и островитяне Стоура-Дуймун одинаковы. Но вместе с тем несоизмеримо далеки друг от друга. Он сам, да и любой уважающий себя лондонец не стал бы, почувствовав угасание своих сил, удаляться на безлюдный остров, чтобы спокойно доживать свои дни, не мешая семье. Он бы скорее потребовал, чтобы вся семья была вокруг него до самого его конца, выполняя его капризы, облегчая своим уходом и заботой его последние дни.

Мысли о смерти сами собой перешли к мыслям о загробной жизни, а оттуда – к мистическим явлениям острова. Он спросил у старика о русалках. Тот помрачнел.

- Этой легенде много лет. Но люди верят, что это правда. Кто-то их видел, кто-то слышал. Я не слышал ни разу, а ослеп уже так давно, что многое из того, что видел, не помню.

- Но моряк на утёсе мне сказал, что они есть, - возразил мистер Смит.

- А-а, Йостин Якобсен, - старик улыбнулся. – Когда-то давно мы оба любили одну женщину, Ивею. Она и правда была спокойна, как скандинавская река[3]. Невысокая, статная, с белыми волосами. Но выбрала она Йостина. Он перевёз её к себе, в Нидерланды. Там она жила с его семьёй – матерью и тремя сёстрами. Йостин слишком часто выходил в море. А рядом слишком часто проплывали торговые корабли. Английский матрос вздумал с ней развлечься. Но ему дорогу перешёл немецкий торговец. Когда тот англичанин в очередной раз поджидал Ивею у её дома, чтобы снова приставать с поцелуями, слуги торговца зарезали его у неё на глазах. А бедняжку похитили. Полтора месяца её где-то держали. А потом она появилась на пороге дома в рваной одежде, грязная и безумная. Йостин искал её, где только мог. Из-за этого он лишился работы. Я узнал обо всем, когда она уже вернулась. Я поехал к Йостину, и мы вдвоём стали разыскивать того торговца. А он от нас и не прятался. Когда я пригрозил ему судом, он рассмеялся мне в лицо. Свидетелей нет, доказательств тоже. А кто поверит словам безумной женщины? В этот день мы ушли от него. Но через

неделю вернулись. Йостин оглушил его, и мы вывезли его в глухой дом, подальше от побережья. Я сам нашёл этот дом, пока Йостин целую неделю пил в кабаках. Всю дорогу этот немец орал на нас и поносил всякими словами. А когда мы привезли его, стал грозить разными карами. Когда Йостин привязывал его к стулу, он начал молить и плакать. Но мы остались глухи. Йостин сам оскопил его, а я поджёг дом. Мы сожгли его живьём. И долго ещё его крики оглашали то пустынное место.

Старик помолчал. Он продолжал глядеть в никуда.

- А дальше? – спросил мистер Смит.

- Что – дальше? – Старик вздохнул. – Ивея так и не оправилась. Я не знаю, что он с ней делал, что она потеряла разум. Но лекарь, который её осматривал, говорил, что она подверглась столь жестокому насилию и побоям, что он рад потере её разума. Она оказалась беременной. Чей это был ребёнок, она не могла уже нам сказать. И на всеобщее счастье у неё произошёл выкидыш. Но это не способствовало её здоровью, потому как разум ещё более погрузился во мрак. Лекарь посоветовал перемену обстановки. А как? Чтобы ходить за ней - нужна сиделка. А той платить надо. Сёстры и мать Йостина не могли за ней ухаживать: сёстры – кто вышла замуж, кто собиралась, а мать сама была больна. Тогда мы с ним завербовались на английский военный флот. Мне не повезло: через год по мне проехалась пушка, и меня списали. Я вернулся на Воар. Природа требовала своё: я женился, растил детей. А когда я стал стар и слеп, я попросил перевезти меня сюда. На этом острове тогда никого и не было, кроме Старухи Герды. Сюда же Йостин привёз Ивею. Она стала совсем беспомощной. А Йостин тоже не молодел. Он поручил её моим заботам, помня, что я её когда-то любил. Так мы и старились вместе – два обломка жизни. Старуха Герда была к нам очень добра, помогая мне там, где требовались женские руки. Потом приехали Бартал и Алва с сыном. Но это нетерпеливый мальчик, вечно куда-то уезжал, что-то искал, чего-то хотел. А я не хотел ничего. Только тихо жить со своей Ивеей. И спокойно умереть с ней в один день. И три года назад она умерла. Так же тихо, как и жила. Просто застыла на камне, на котором она сидела, глядя в океан. Йостин каждый месяц приплывает сюда, посетить её могилу. Он звал меня с собой, в Исландию, куда уехал жить, чтобы ничто в Нидерландах ему не напоминало о прошлом. Но зачем ему, ещё не столь немощному старику такая обуза? Я отказался. Хоть Ивея и была безумна, но она была его женой. И прожила с ним часть жизни. Пусть я буду с ней хотя бы в смерти.

Он замолчал.

- Но почему дети оставили вас? - спросил мистер Смит. – Почему позволили вам быть отшельником?

- А я всегда любил Ивею. Это очень огорчало жену, и под конец она возненавидела меня за то, что я не отказался ходить за ней. Но я ничего не мог поделать. – Старик грустно наклонил голову.

Мистер Смит помолчал, ожидая, не скажет ли старик чего-то ещё. Но тот молчал, покуривая трубку.

Наконец, не дождавшись от него больше ни слова, мистер Смит встал, поблагодарил старика и вышел.

Шагая по острову, неведомо куда, он был раздосадован. Его жестокая натура почувствовала себя обманутой: весьма тривиальная история и предсказуемый конец. Ничего ужасающего. Возможно, если бы ему ту историю рассказал его лондонский знакомый, снабжая повествование скабрёзными или ужасающими подробностями, напуская мистического тумана и романтического флёра, эта история могла бы его захватить и напитать его чёрную душу. Но она была рассказана просто и безыскусно обычным человеком без затейливых прикрас и желания понравиться. Простое незамысловатое повествование не тронуло его душу, чужое горе, изложенное обычными словами, не зацепило его сердца. Он был зол, и не скрывал этого.

Кружа по острову, он вышел к скалам, отвесно уходившим вниз к берегу. Ленивые волны катили свои воды и обнимали их, поднимая тучи брызг. Мистер Смит смотрел на них с холодным бешенством. Он приехал сюда исцелить свою душу, но исцеления не происходило. Наоборот, он сильнее жаждал знать, что кому-то сейчас плохо и невыносимо тяжело жить.

Мистер Смит поправил шляпу, которую порыв ветра хотел было сорвать с его головы, и повернулся направиться к Старухе Герде, как заметил внушительную фигуру священника среди камней. Он подошёл к нему, стоявшему на утёсе и спокойно смотревшему на белое небо с серой тучей на горизонте.

- Я люблю этот остров, - не оборачиваясь, произнёс тот. – Я люблю этот осколок суши с однообразной природой и суровой погодой. Я люблю здешние дожди. В этом месте, как нигде, ощущаешь свою связь с богом. Может, это от того, что тут нет людей. А может от того, что в такой дикой местности нет времени для праздности: нужно бороться за жизнь с природой, которая к тебе равнодушна. В

любом месте, где живут люди, найдётся место соблазну. Даже монастырские стены, молитвы, посты, покаяния и истязания не спасают от греховных мыслей или помыслов. А здесь… Недаром святые уходили в пустыни, пустоши, скиты. В одиночестве и лишениях бог ощущается сильнее.

Он замолчал. Порыв ветра всколыхнул его сутану. Мистер Смит тоже посмотрел вдаль, скрестив руки за спиной и широко расставив ноги. Поля его шляпы равномерно покачивались, как крылья большой птицы.

- Бог… - произнёс он презрительно. – Бог – это пугало для робких и трусливых. Почему он одних одаряет всеми милостями мира, а на долю других достаются страдания? – с пафосом вопросил он, не глядя на священника. – Почему одни купаются в роскоши и любви, а другие прозябают в сырых норах, в презрении, унижениях и ненависти? Вы говорите, ближе к богу. А если я не хочу быть к нему ближе? Если я хочу ощутить счастье здесь, на земле, пока жив, а не в раю, после смерти? Если я не хочу страданий и нищеты, а любви и богатства?

Он повернулся к священнику.

- Вы говорите об умиротворении. А что вы, католический священник, можете знать о тяготах жизни? Об отчаянии, когда видишь своего умирающего ребёнка? О бессилии, когда ваша жена винит вас в его смерти и повёртывается к вам спиной, вместо того, чтобы утешать? Что вы знаете о происках завистников, что наживаются на вашем таланте, считая вас недостойным даже стоять с ними рядом? Бог! – вскричал он, вскидывая кулак к свинцовому небу. – Я ненавижу бога! Я его презираю! – Он гневно запахнул пальто, повернувшись, чтобы уйти.

- Бог не даёт страданий, которые вы не можете перенести, - спокойно произнёс священник. – А счастье? Для бедняка счастье, когда есть похлёбка к обеду. А богачу и лишний бриллиант не принесёт радости.

- Вы сами сказали – бедняку, - произнёс мистер Смит, развернувшись к священнику. – А я не хочу быть им! Я хочу купаться в золоте и жить в роскоши! Но это далось не мне. Бог не рождает всех равными. Но поклонения требует одинакового.

- Бог хочет любви…

- За что? – перебил его мистер Смит, меряя шагами клочок утёса. - За что мне любить его? Он не сделал мне ничего хорошего!

- За хорошее любить легко, - так же спокойно произнёс священник. – Гораздо труднее возлюбить врага, беды и лишения.

- А зачем их любить? – Мистер Смит наклонился к его лицу. Хоть они и были почти одинакового роста, но священник невольно сжался под его ненавидящим взглядом. – Почему я должен возлюбить врага? Почему я должен его простить? Чтобы он ударил в спину, когда я не жду? Или придушил меня во время «дружеских» объятий? Нет, падре, ваша религия для рабов и их хозяев. С такой моралью просто руководить послушным стадом, когда надо – требуя его поддержки, когда выгодно – осуждения иных взглядов, религий и поступков. А в крайних случаях требуя жизни, оставаясь живым самому. Я презираю такое лицемерие и самообман. Вы делаете деньги из воздуха, затуманивая пастве голову и создавая из них послушных животных.

Он помолчал.

- Вам легко быть оторванным от мира – вы его не знаете. Вам неведомы человеческие страдания. Целибат[4] избавил вас от жестокой боли пережить своего ребёнка. Избавил вас от отчаяния видеть его страдания.

- У вас умер сын? – участливо спросил священник.

- Дочь. – Мистер Смит снова сцепил руки за спиной, прямо глядя на горизонт. Вся его поза изображала вызов стихии. Его вздёрнутый подбородок демонстрировал угрюмое упрямство, а слегка покачивающаяся от ветра фигура твёрдо крепилась на широко расставленных ногах.

- Ваш бог забрал у меня дочь и жену. Вот его благодеяния и любовь.

- Расскажите, - попросил священник, повернувшись к нему.

Помолчав, мистер Смит начал рассказывать священнику историю, которую до этого рассказывал Барталу Дьюрхусу. Однако на этот раз он приправил её душераздирающими подробностями и леденящими кровь ужасами, которые частью придумал, частью вспомнил из прочитанного. Перед священником он разыграл целый спектакль из своего горя, действительного или вымышленного, рисуясь в его глазах и возвышаясь в своих. Он живописал мрачные трущобы Лондона, пытаясь вызвать содрогание мерзостными подробностями и недостойными нравами, царящими там. Он упирал на то, что он, хороший человек, был вынужден жить в этой клоаке и терпеть лишения, которых не заслуживал. Он обвинял свою жену и поносил соседей, выставляя себя несчастным человеком, которого никто не понимает, но все стремятся оскорбить и унизить. Если бы его сейчас видела Алва Дьюрхус, она бы не стала слушать дольше пяти минут эту пафосную трагедию и торжество лицемерия. Плюнув с досады, она ушла бы хлопотать по хозяйству, не проронив ни слова сочувствия. Священник, несмотря на все нападки мистера Смита, не был человеком,

оторванным от мира. Он видел всю фальшь своего визави. Но вместе с тем он знал, в какие причудливые формы может обрядиться горе, отчаяние и безнадёжность, как каждый человек переживает свои беды. Он встречал и самолюбование, и внешнее равнодушие, и саморазрушение, и неприятие своей вины, и поиск виноватых, и громогласные переживания, и стремление к одиночеству, и самобичевание. Поэтому он подождал, пока мистер Смит закончит свой спектакль, чтобы, спокойно глядя на горизонт, произнести участливым тоном:

- Несомненно, ваше горе велико, а потери невосполнимы. Но людям неизвестны замыслы бога, его планы на счёт вас. Эти испытания даны вам недаром. Во имя какой-то цели бог наказал вас столь жестоко.

- Наказал! – снова вскипел мистер Смит. - Ваш бог только и может, что наказывать и карать! Почему он не наказал меня параличом, потерей глаза или руки? Почему не наслал на меня чахотку, дизентерию или подагру? Почему он избрал орудием моего наказания невинного ребёнка? Почему, чтобы что-то понял я, он забрал её? – злобно кричал мистер Смит.

- Замыслы бога ведомы только богу…

- Вот он – ваш ответ! – вскричал мистер Смит, потрясая кулаками. – На любой вопрос ваш ответ: всё в руке божьей! Это не ответ, это глупость или лицемерие, которое вызывает желание убить того, кто так отвечает!

Он резко повернулся к священнику. Тот отшатнулся от него, испуганный выражением его лица.

- Но это действительно так, - произнёс священник, стараясь унять дрожь в теле. Хотя он и был шире в плечах и массивнее фигурой, но этот человек был явно одержим. Священник не хотел причинять ему вред. К тому же, сумасшедшие обладают недюжинной силой. Да и кто знает, что на уме у этого неистового мужчины? Вдруг он сейчас столкнёт его с утёса? Тогда вся сила не поможет ему, если он кубарем покатится вниз. Или тому взбредёт в голову пасть на колени в истерическом экстазе. Тогда он будет выглядеть просто нелепо. Он пожалел уже, что завёл разговор с этим человеком. Но это его долг – утешать в горе. А горе у этого человека безмерно, хоть оно и эгоистично и любит рисоваться.

- Нет, не так, - неожиданно холодно сказал мистер Смит. – Это оправдание своей лени, бессилия или, в вашем случае, желания заработать, обманывая глупцов.

Он смерил священника презрительным взглядом и стремительно пошёл прочь. Его пальто развевалось за ним подобно крыльям гигантской летучей мыши.

- Жена… ребёнок… - пробормотал себе под нос священник. – Что вы, ограниченный собой и своими переживаниями эгоист, можете знать о страданиях других? Видимо, у вашей жены были причины поступать так, а не иначе. Вы требовали утешения от неё, а кто утешит её исстрадавшуюся душу? Вы не видите никого вокруг себя. И как я ни обязан вам сочувствовать, я не могу: вам это не надо. Вы не испытываете горя. Только досаду, что ваша жизнь сложилась не так, как вы хотели. Вы жестоки. Жестоки и эгоистичны. Жуткое сочетание.

Он смотрел в спину удалявшегося человека, и печаль ложилась на его лицо. Он повернулся к морю, наблюдая за летящими над берегом птицами. Его глаза скользили по свинцовым волнам, лизавшим камни внизу.

Вдруг мистер Смит резко остановился, развернулся и столь же стремительно пошёл назад.

- Что вам известно о русалках? – грубо спросил он священника. Тот вздрогнул и повернулся к нему.

- Что?

- О русалках? Ваш моряк Якобсен сказал, что они тут есть.

Священник плотно сжал губы.

- Ну? – настойчиво вопрошал мистер Смит. – Есть они или нет?

- Я ничего об этом не знаю, - побледнев, сказал священник.

Мистер Смит запрокинул голову и засмеялся злым смехом.

- Решительно, мне этот остров нравится! – воскликнул он. – Сюда заманивают сказками и удерживают тайнами. А что в итоге? Наверняка чей-нибудь кошмарный сон, вызванный неумеренным употреблением эля, или просто грубое враньё, чтобы заработать на глупцах!

Он резко повернулся к священнику. Тот отшатнулся от взлетевшей полы его пальто.

- Вы же сюда не первый раз приезжаете. Знаете Бартала Дьюрхуса и его жену, наверняка сталкивались со «старухой Гердой» - и вы хотите сказать, что ничего не слышали? Да не смешите меня!

- Я ничего не знаю о русалках, - напряжённым тихим голосом повторил священник.

Мистер Смит смерил его подозрительным взглядом.

- Но кое-что вы явно знаете. И это кое-что тяготит вас. – Священник вздрогнул под его холодным взглядом. – Когда-нибудь вы мне всё расскажете, - прошипел мистер Смит, наклонившись к самому лицу священника.

Он взглядом обшаривал его напряжённое лицо. Затем резко отшатнулся и, ни слова не говоря, снова стремительно удалился.

Священник, проведя дрожащей рукой по волосам, тяжко вздохнул и начал медленно спускаться по камням к чёрным провалам, обозначавшим как просто дыру в скале, так и входы в пещеры.

Мистер Смит яростно шагал по траве. Как смеет этот поп забивать ему голову своим враньём? Что он может знать о жизни, о страданиях? Что он может знать о нём, мистере Смите? Нет, на этом острове все полоумные. И ему надо уехать от сюда, чтобы сохранить разум. Лучше он поплывёт простым матросом в Новый Свет или солдатом в Индию. Среди обычного отребья он вновь обретёт себя. К чёрту мистику! К чёрту романтизм и мрачные тайны! Пусть он будет по-простому убивать краснокожих или расстреливать из пушек сипаев. По крайней мере, ему это понятно. Лучше уж это, чем спокойная философия фарерцев, их умудрённая жизненная позиция, вызванная ежедневной борьбой с суровой природой, их не требующее доказательств превосходство – всё, что выводило его из себя, едва он с этим сталкивался и осознавал, как он мерзок, жалок и ничтожен перед этими рыбаками, помещиками, знахарками. Он хотел приехать и насладиться страданиями людей, оторванных от мира. Но они своей спокойной покорностью божьей воле не давали ему такой возможности. Он хотел окунуться в мир зла и отчаяния, ненависти и ропота, чтобы купаться во всём этом, как многие купаются в лучах счастья или славы. Но его лишили этого удовольствия. Если бы в его руках сейчас была ваза, он бы её разбил, уничтожил, а молоток – ударил бы, не глядя, по чьей-либо голове. Он хотел найти моряка Йостина Якобсена, чтобы вытрясти из него сведения о русалках или Евфимию Ольгердову, чей дом, он полагал, ближе, и направился уже было к побережью, как неожиданно для себя наткнулся на Бартала Дьюрхуса, сидевшего под кустиком и наблюдавшего за несколькими овцами, лениво щипавшими траву невдалеке.

- Господин Дьюрхус? – с досадой сказал мистер Смит.

Тот поднял голову и, прищурившись, посмотрел на него.

- А-а, мистер Смит! – Улыбка обнажила его щербатый рот. – Присядьте, передохните. – Он приглашающе похлопал рядом с собой. – Дайте отдых вашим ногам.

Мистер Смит поколебался, но всё же расположился рядом с Барталом Дьюрхусом. Тот полез в холщовый мешок и достал ломоть хлеба, сыр и флягу. Разложив всё это на полотенце перед собой, он выудил из мешка лук, помидоры и свежий хрустящий огурец. Мистер Смит, брезгливо глядя на него, слегка отодвинулся, чтобы этому пастуху не пришло в голову его угощать. Но Бартал Дьюрхус ничего не заметил. Доставая сушёную рыбу, он уронил на полотенце деревянную солонку.

- Угощайтесь, сударь, - произнёс он, указывая на свой скудный стол. – Во фляжке эль, который так хорошо пьется. Сыр овечий. Он, конечно, может уступать сырам Голландии или Швейцарии. Но, всё же, это лучшее средство подкрепиться.

Мистер Смит с нескрываемым отвращением смотрел на полотенце и снедь на нём.

- Спасибо, мистер Дьюрхус. Я не голоден.

- А я, с вашего позволения, перекушу. На свежем воздухе у меня, знаете ли, разыгрывается дьявольский аппетит.

И, не дожидаясь отклика собеседника, он подхватил помидор и вонзил в него зубы. Сочная мякоть брызнула во все стороны. Мистер Смит отшатнулся.

Он уже хотел было встать и пойти искать дорогу к Евфимии Ольгердовой, но тут его взгляд упал на грудь Бартала Дьюрхуса. Под распахнутой сорочкой среди зарослей светлых завитков волос поблёскивал странный медальон. Бесцеремонно протянув руку, он взял его в ладонь и наклонился посмотреть. Странная пентаграмма, заключённая в круг с непонятными значками по ободу. На обороте равносторонний крест был заключён в круг с астрологическими символами внутри.

- Что это? – спросил он.

Бартал Дьюрхус осторожно вынул из рук мистера Смита медальон и нежно погладил его.

- Это моя семейная реликвия, своего рода талисман. Он отгоняет злые силы и приносит мне удачу.

- Семейная реликвия? – заинтересовался мистер Смит. Пожалуй, «старуха Герда» может подождать. – Расскажите.

Бартал Дьюрхус удивлённо посмотрел на него и спрятал медальон под сорочку.

- Вам интересны предания и легенды? – спросил он, застёгивая пуговицы.

- О да, очень, - заинтересованно ответил мистер Смит, придвигаясь к нему.

- Вы, наверно, первый человек после Алвы, кого это заинтересовало, - улыбнулся Бартал Дьюрхус.

«Конечно, первый. Я вообще, наверно, первый новичок и чужак в вашей глуши», - подумал мистер Смит, усаживаясь поудобнее.

Бартал Дьюрхус, вытянув ноги, облокотился о валун, выступавший из земли.

- Дело в том, мистер Смит, - начал он, - что моя семья и я живём на этих островах только пятое поколение. Ещё двести лет назад мои предки проживали в Германии.

Он запахнул куртку и хлебнул из фляжки.

Давным-давно во Франции недалеко от границы с германскими княжествами стоял замок бедного рыцаря. Назовём его Луи. Из всей семьи у него осталась только одна дочь. Пусть она будет зваться Клэр. Оба они были высоки, красивы, черноволосы с блестящими тёмными глазами, сверкавшими фамильной смелостью и гордостью. Единственное отличие между отцом и дочерью было в том, что отец имел крепкий стан, широкие плечи, сильные мускулистые руки и чёрную бороду, а дочь была изящна, хрупка и грациозна, как и положено быть дворянской девушке. За долгую и преданную службу, а также за участие во всевозможных войнах всё имущество рыцаря осталось весьма скудным: полуразвалившийся замок и не слишком большой участок земли, дававший ему право на баронский титул. Знатность и древность его рода обеспечивали ему снисходительное уважение соседей, но не прибавляли богатства. Поэтому его дочь, уже далеко не юная девушка, но всё ещё сохранившая известную строгую красоту, не пользовалась успехом у холостых дворян. Осознавая, что как отец он не может обеспечить свою дочь спокойной жизнью, рыцарь Луи стал искать иные способы пополнить свою казну. Углубившись в чтение странных книг и общаясь с разными подозрительными людьми, он возымел желание найти «философский камень», чтобы с его помощью поправить свои дела, а заодно и

здоровье и приобрести мудрость. Его дочь, которая осознавала своё положение и не хотела после смерти отца уходить в монастырь, поскольку алчные соседи не замедлили бы воспользоваться её горем и лишить её всего того, что ещё могло остаться, поддерживала его в этом стремлении. Для своих опытов рыцарь выбрал старую церковь на своей земле. В этом полуразрушенном здании давно уже никто не служил. Крестьяне обходили её стороной, считая бывший дом бога нынешним пристанищем сатаны, поскольку нередко там видели мерцающие огни ночью, слышалось заунывное пение, а иногда оттуда доносился смрадный дым. Зная, как люди относятся к этой церкви, рыцарь Луи решил именно там сделать свою лабораторию, рассчитывая, что уж там-то его никто не потревожит.

Соседом рыцаря Луи через границу был небогатый барон. Пусть его имя будет Ганс – крупный, пузатый, светловолосый весельчак, которого легко можно было принять за бюргера, чем за барона. Его дочь, пусть она зовётся Гретой – пухленькая румяная хохотушка со светлыми волосами и голубыми глазами, была немногим младше дочери рыцаря Луи. Она тоже была не замужем, но её это не тяготило: благодаря своему добродушию и мягкости характера отбоя от женихов у неё не было, а небольшой капитал отца был весьма приятным подспорьем для потенциальных соискателей. Их безбедная жизнь вызывала зависть у рыцаря Луи. Но он был человеком чести, и не упрекал соседа, не оскорблял и не унижал его. Однако каждый раз встречая эту жизнерадостную пару, рыцарь Луи осознавал всю шаткость и уязвимость своего положения, и ещё более рьяно бросался выискивать книги и минералы для своих опытов, тратя последние средства.

Подобная одержимость не могла привести ни к чему хорошему, и вскоре вокруг замка стали пропадать люди: заблудившиеся дети, проезжавшие одинокие путники, припозднившиеся пастухи и отчаянные браконьеры. Жалобы своих подданных рыцарь Луи пропускал мимо ушей, всецело уйдя в свои тайные манипуляции. Просители обращались к его дочери Клэр, но она ничем не могла им помочь.

Так продолжалось около полугода: люди пропадали, крестьяне роптали, а рыцарь Луи всё более впадал в безумство. Его сосед, барон Ганс, был обеспокоен различными слухами, множившимися вокруг имени рыцаря. Он сострадал его положению и нередко, по-соседски, выручал его. Он считал его чуть ли не своим братом, а его дочь – чуть ли не своей племянницей. И ему было тяжело видеть, как имя рыцаря Луи теряет былую славу, приобретая всё более зловещий окрас.

Однажды весной раздувшаяся река подмыла один из берегов, и вместе с землёй и травой в воду обрушились истлевающие останки. Окрестные крестьяне узнали

в них своих родных, близких или просто знакомых. Громкий вой огласил поля и луга и достиг окон замка. Рыцарь Луи тогда побледнел, как смерть, а дочь его упала в обморок. На следующий же день возмущённые люди пришли к рыцарю Луи, потрясая вилами и косами и выкрикивая оскорбления. Если бы не своевременная помощь барона Ганса, рыцарю Луи было бы очень сложно убедить отчаявшихся людей в своей невиновности.

Как только барон смог убедить людей в присутствии молчащего от оскорблений и наглости черни рыцаря Луи в том, что их сеньор сделает всё возможное, чтобы выяснить истину, ворчащие люди разошлись. Барон Ганс и рыцарь Луи остались одни. Рыцарь уже хотел было поспешить к своим мистическим занятиям, но барон остановил его, озабоченный его безумным видом и неистовым состоянием. Он снова завёл с ним разговор о его одержимости, которая грозит опасностью его душе, а также его дочери. Но искренняя озабоченность барона возмутила рыцаря, который впервые подумал, что не доброта, а корысть движут более благополучным соседом. Наверняка тот ждал, когда рыцарь разорится, чтобы прибрать его замок с клочком земли. Дьявол обуял рыцаря, и он накинулся на впавшего в изумление барона с бранью и оскорблениями. В полном расстройстве барон Ганс покинул замок рыцаря Луи не столько оскорблённый, сколько полный жалости и скорби к безумному, как он думал, рыцарю. Расстроенный, он вернулся к себе, не заметив даже, что его дочери Греты нет дома.

Девушка же, любопытство которой было разбужено слухами о тёмных делах, творящихся у соседей, решила эти слухи проверить. Её интриговала тёмная сторона жизни, которой она по своей наивности не знала и не видела. Страшась, но вместе с тем снедаемая любопытством, она решила сама посмотреть, что творилось в старой заброшенной церкви.

Была тёмная грозовая ночь, которую рыцарь Луи посчитал лучшим временем для своих занятий. Грета же, застигнутая стихией врасплох, хотела было вернуться назад. Но она уже почти дошла до самой церкви. И поэтому решила, всё же, удовлетворить своё любопытство. Сам же рыцарь, позабыв про всё на свете, самозабвенно занимался своим чёрным делом.

В узкой келье среди алхимических инструментов, в дыму и едких миазмах колдовал он над маленькой жаровней. Взору подглядывающей в маленькое оконце Грете предстал безумец со всклокоченными волосами, который то бормотал что-то, то громким голосом кричал жуткие ругательства. Девушка остолбенела на своём посту: никогда ещё она не видела человека в таком неистовстве, а рыцаря, соседа её отца, в такой ярости.

Когда же рыцарь стал крушить на своём столе всё, что попадало под руку, перемежая богохульства с проклятиями, девушка отшатнулась и хотела уже бежать из этого жуткого места. Но вдруг всё затихло. Грета осмелилась вновь посмотреть, что делает этот несчастный рыцарь. А тот, озаряемый мрачным светом тлеющих на полу вещей, с дьявольской улыбкой держал в руках чёрного петуха. Он что-то говорил ему, сверкая безумными глазами. Наконец он схватил холщовый мешок и усадил бедную птицу туда. Затем, прихватив увесистый том под мышку, он стремительно вышел. Грета подождала какое-то время, но он не возвращался. Тогда продрогшая и промокшая она решила пойти домой.

Обойдя церковь, она увидела приоткрытую дверь входа, из-под которой виделся слабый свет. Она решила зайти и обсушиться. Но едва она неслышно вошла, как услышала негромкое бормотание и увидела рыцаря Луи, стоявшего к ней спиной перед алтарём. Перед ним висел перевёрнутый крест, вокруг алтаря была вычерчена пентаграмма в круге, а сам рыцарь, бормоча что-то на непонятном языке, коленопреклонённый стоял перед алтарём, опустив голову. В высоко поднятых над головой руках он держал тяжёлый меч со странным лезвием: оно не было прямым, а змеилось как след гадюки на песке, и отсвечивало холодным голубым светом. Вокруг алтаря были воткнуты свечи. Приглядевшись, Грета зажала рот рукой: свечи были чёрные.

Пока она оглядывала убранство церкви, голос безумца вознёсся к самым сводам, и он возопил:

- Предстань передо мной, князь тьмы! Яви свой чёрный лик пред мои очи! К тебе обращаюсь, о демон зла и отец лжи!

Девушка испуганно охнула, но, по счастью, рыцарь Луи её не слышал. Он продолжал кричать то на латыни, то на каком-то непонятном языке. Затем одним ударом он отрубил голову петуху, лежавшему на алтаре. Тот некоторое время ещё дёргался без головы, что вызвало новый поток непонятных слов из уст рыцаря.

Наконец он замолчал. Слабое свечение, появившееся под перевёрнутым крестом, заставило Грету содрогнуться от ужаса. Она, крестясь, хотела бежать из этого проклятого места, но ноги не слушались её, и она была вынуждена стоять за колонной, за которой пряталась от рыцаря Луи.

Однако ничего не происходило. Рыцарь с проклятием отбросил меч и смахнул останки петуха с алтаря. И именно в это время в дверях церкви появился барон Ганс. Он прошествовал к самому алтарю, не заметив Грету за колонной, огляделся вокруг потрясённым взглядом, и с состраданием положил руку на

плечо рыцарю Луи, который в бессильной злобе сжимал кулаки и что-то бормотал себе под нос.

Почувствовав прикосновение, рыцарь Луи как ужаленный подпрыгнул на месте и снова разразился грязной бранью. Барон стал ласково и тихо его уговаривать, указывая то на кощунственное распятие, то на останки петуха, лежавшие рядом с алтарём. Но чем дольше и ласковее он говорил, тем сильнее распалялся рыцарь Луи. Наконец он набросился на своего добродушного соседа с кулаками, позабыв про свою рыцарскую честь и человеческое достоинство. Он оскорблял барона Ганса, смеялся над ним, глумился над его верой и поносил его дочь.

Наконец барон не выдержал и воскликнул:

- Желаю, чтобы вы дождались своего хозяина, которому продали свою бессмертную душу! И чтобы он забрал вас в ад!

На что рыцарь Луи рассмеялся злым смехом и закричал:

- А я желаю тебе, проклятый лицемер и вор, оказаться в аду прямо сейчас!

Барон Ганс вздохнул и направился к выходу. Ещё раньше него туда пробиралась его потрясённая дочь.

Но не успел барон Ганс сделать нескольких шагов от церковных дверей по двору, как прямо над его головой прозвучал оглушительный раскат грома и сверкнула ослепительная молния. Секунда, и несчастный барон лежал мёртвым на земле. Его дочь, успевшая прежде него убежать из проклятой церкви, в ужасе смотрела на распростёртое тело. Сзади ей в спину нёсся дьявольский смех безумного рыцаря:

- Не длань божья, но меч сатаны поразил тебя, жалкий лицемер! – кричал он. – Сатана внял моему проклятию и явил свою силу! Да будет вознесён князь тьмы! Да пребудет вовек!

Грета в ужасе слушала богохульственные речи безумца, глядела на распростёртое тело отца, и туман овладевал её сознанием. Она зачем-то повернулась и вошла обратно в церковь. Ещё идя по проходу, она заметила в высоко поднятых над головой руках рыцаря Луи странный шевелящийся свёрток. Когда от криков рыцаря свёрток захныкал, Грета поняла, что это новорожденный ребёнок. Произнеся непонятные слова, рыцарь положил ребёнка на алтарь и поднял над ним меч.

- Да прими в жертву, князь тьмы, эту невинную душу и чистую кровь! – закричал он. Тьма охватила Грету, и она упала на холодные и грязные плиты церковного

прохода.

Следующим утром её нашли полностью утратившей разум, блуждающей бесцельно по лесам и полям. Сатанинские ритуалы не прошли бесследно для рыцаря: чтобы не быть убитым собственными крестьянами, которых уже не могла успокоить доброта барона Ганса, но которые винили своего господина во всех своих бедах, начиная от неурожая и заканчивая чирьем на своём лице, рыцарь вынужден был скрываться в одному ему известных местах. Ходили слухи, что ночами он продолжает свои обряды. Однако люди бесследно пропадать перестали. Возможно, рыцарь Луи, всё же, был убит каким-нибудь обезумевшем от горя крестьянином, или ушёл в другие места вызывать тёмные силы. Говорят, в Шотландии каждый шотландец колдун. Может, он тайно уехал в эту туманную и холодную местность, полную сказок ещё более страшных и обрядов ещё более непотребных. Во всяком случае, в его краях его больше не видели. Несчастная Клэр, дочь безумного рыцаря, была ославлена ведьмой, и ни один мужчина не переступал порог её дома, ни один не желал брать её замуж.

Но через много лет новому королю понадобился укреплённый замок на границе, и он приказал одному из дворян жениться на немолодой уже наследнице. Клэр, приближавшаяся уже к четвёртому десятку, оказалась хорошей женой и подарила своему мужу троих детей: двух мальчиков и девочку, закрепив за ними свой родовой замок.

С течением времени и в результате политических ветров владения барона Ганса оказались во власти её мужа, поскольку наследников у доброго господина не было, а земля, в результате войн ходившая из одного королевства в другое, осталась за королем Франции.

Ещё когда носила первого ребёнка, Клэр приказала уничтожить старую церковь и засадить эту местность деревьями и кустами. Опасаясь чёрного влияния своего отца и его проклятых ритуалов, она попросила местного кузнеца выковать для своей семьи семь реликвий, чтобы они охраняли её, её мужа и будущих детей от князя тьмы и человеческих проклятий. В каждую освящённую реликвию был вложен кусочек мощей святой или святого для придания силы и святости самим реликвиям и тем, кто их будет носить. Её дети передавали их своим детям со страшной легендой о безумном рыцаре Луи, добром бароне Гансе и несчастной дочери его Грете. Потомки рыцарской дочери разошлись по свету. Вместе с ними разлетелись и реликвии. Одна, как и я, и мои прадеды осели на этом осколке суши на краю света.

Бартал Дьюрхус замолчал. Молчал и мистер Смит.

Отголоски истории Бартала Дьюрхуса ещё витали в воздухе. И мистер Смит наслаждался ими, как некоторые люди наслаждаются сладостной музыкой. Наконец он услышал стоящую историю, наконец он может позволить своей душе смаковать её, как гурманы смакуют вино.

Когда первый его восторг прошёл, он ещё раз посмотрел на медальон на шее Бартала Дьюрхуса. Затем перевёл взгляд на его жующую физиономию и толстые пальцы, державшие хлеб. Волна презрения поднялась у него к этому добродушному толстяку и он, холодно попрощавшись, пошёл от него в сторону огромных валунов, стерегущих берег со стороны океана. Расположившись у одного из них, он с задумчивым видом оглядывал берег далеко внизу, который лизали серые мутные волны. Его блуждания по острову пробудили аппетит, и он решил вернуться в «господский дом», чтобы пообедать. А после можно будет попытаться разговорить Евфимию Ольгердову – «Старуху Герду». Особенно делать на острове было нечего, поэтому сказки этих глупых островитян были единственным его развлечением.

Успокоившись таким образом, мистер Смит пошёл обратно.

Простые блюда сытного обеда оказали на него расслабляющее действие, и, опьянённый свежим морским воздухом и несравненным элем Алвы Дьюрхус, он заснул. Непривычная оглушающая тишина и тихий шёпот ветра убаюкали его.

Проснулся он часа через два весьма отдохнувшим и полным сил и, чувствуя энтузиазм, направился на поиски знахарки.

Он застал её копошащейся в своём огороде. На её плечах лежала шаль необычайной формы – в виде бабочки, вывязанная замысловатым рисунком. Он некоторое время наблюдал за её уверенными и неспешными действиями.

Наконец она разогнулась, небрежно откинула волосы со лба и неторопливо повернулась к стоящему за каменной стеной заборчика мистеру Смиту.

- Что вы хотите? – спросила она так, как будто они расстались пять минут назад.

Неприятно удивлённый её замкнутостью, невежливостью и холодностью, он ожидал увидеть, по крайней мере, страх в её глазах. Но его не было. Была только бесконечная усталость и покорность судьбе, весьма напоминавшая обречённость. Это отчасти заставило его воспрять духом.

- Я хочу знать о русалках, - столь же бесцеремонно сказал он. Женщина вздохнула. – Кого я ни спрашивал на вашем острове, все от меня отделываются, как будто я попрошайка на паперти. Вокруг ваших русалок прямо заговор молчания. Что такого ужасного в вашей сказке, что все прямо немеют, когда я их спрашиваю?

Евфимия Ольгердова некоторое время смотрела на него ничего не выражающим взглядом. Мистер Смит поёжился: видимо, именно так – равнодушно и бесстрастно – смотрит удав на кролика перед тем, как его заглотить. Но он вспомнил, как она уступила его настойчивости недавно и рассказала свою историю. Однако сейчас она, видимо, не собирается быть снисходительной.

- На нашем острове, да и на других тоже, русалки – это не повод для шуток или обсуждения в пабе за кружкой пива. Для нас они реальны, они есть. И особой радости нам это не доставляет, - безжизненным голосом сказала «старуха Герда», по-прежнему не проявляя своих чувств.

- Почему? – спросил мистер Смит. Он подошёл ближе, вцепившись в хрупкие прутья калитки.

- Потому что из-за них умирали люди. Потому что они приносили людям горе. И потому что ещё неизвестно, закончилось ли всё или нет. – Евфимия прищурила глаза. – А вам неведомо сострадание. То, что вы называете своим горем, это досада. Злость на то, что устраивающая вас жизнь прекратилась.

Мистер Смит задохнулся: да как может эта паршивая крестьянка говорить ему такое! То, что считал он сам, это одно. Но бросать ему правду в лицо никто не имеет права!

- Да как ты смеешь! – прошипел он, стискивая прутья калитки. Он пожалел, что не может перемахнуть через каменный забор и свернуть шею этой жалкой и ничтожной женщине.

- Значит я права. – На лице «старухи Герды» мелькнула тень удовлетворения. – Возвращайтесь в свой Лондон, езжайте в Америку, в Индию или куда вы там хотели. А здешних жителей оставьте в покое. У них и без вас тяжёлая жизнь. Так не заставляйте их в редкие минуты радости вспоминать печали.

Мистер Смит снова задохнулся. На этот раз от сдерживаемого ужаса: откуда эта женщина знала, о чём он думает? Видимо впервые за многие годы в его душе зашевелилось что-то, что не имело отношения к жажде чужих страданий.

Он медленно отпустил калитку. Евфимия Ольгердова, видя его побелевшее лицо, снова пристально посмотрела ему в глаза и с явной неохотой произнесла:

- Заговора молчания вокруг русалок нет. Лучше я расскажу вам, чтобы вы действительно поняли, что страдаете не вы один. Что страдания других людей для них столь же невыносимы, сколь вы хотите убедить себя в своих.

Мистер Смит добился, чего хотел. Но теперь это не доставляло ему такого острого удовольствия, как он предвкушал: своей проницательностью эта чёртова колдунья испортила ему всё наслаждение. Он затаил на неё глухую злобу. Но уж очень хотелось ему послушать о русалках.

Евфимия Ольгердова скрылась в саду. Потом через некоторое время она вышла из калитки, у которой он стоял, и посмотрела ему прямо в глаза, придерживая рукой шаткие прутья.

- Не надо на меня злиться, - сурово произнесла она, глядя на него. – Вы же не злитесь на зеркало, когда оно отражает морщины, и не ненавидите эхо, когда оно повторяет брань?

Мистер Смит ничего не сказал. Закусив губу, он хмуро последовал за ней внутрь.

Пройдя в уже известную ему комнату с очагом и пучками трав на верёвках вокруг, он опустился на жёсткий стул. Евфимия Ольгердова снова поставила перед ним дымящуюся кружку, из которой исходил терпкий запах трав. Всё так же хмуро понюхав её, мистер Смит обнял её ладонями, чтобы согреть пальцы, совсем как в первое утро в этом доме. В окна забарабанили редкие капли дождя. Запах из кружки, монотонный стук капель, спокойный голос Евфимии Ольгердовой навевали на него состояние, близкое к дремоте. Перед глазами вспыхивали картины того, что рассказывала «старуха Герда».

- Забираться в дебри времён святого Брендана я, как вы понимаете, не буду, - угрюмо начала женщина. – О тогдашних временах мне известно мало. А мифы и легенды везде одинаковы. Разнятся только именами. Ирландские монахи, викинги Скандинавии, Исландии и Гренладнии создали такую смесь сказок и языка, что обо всём этом лучше спрашивать их самих. Поэтому я расскажу о том, что знаю сама.

Когда-то все острова Фарер были обитаемы. Но однажды на Луйтла-Дуймун – самом неприветливом и скалистом острове, нашли пропавшую женщину с Мичинеса. Она приехала туда навестить родных – мать и её сестру, которые в

скалах предавались отшельничеству и созерцанию. Они сами нашли её - распотрошёную, избитую, как будто её терзал дикий зверь. Грудная клетка её была вскрыта как будто когтями, лёгкие отсутствовали, не было так же и печени. Её мать прямо на месте умерла от разрыва сердца, а её сестра вернулась на Мичинес, повредившись рассудком. Именно после её рассказов на Луйтла-Дуймун больше никто и никогда не селился. И сейчас это единственный из Фарерских островов, где никого нет.

- И что это было – никто не выяснил? – спросил мистер Смит.

- А кто будет выяснять? Вы же сами видите – место это глухое, люди простые, а власти находятся на Стреймое. Пока туда, в Торсхавн, доберёшься, пока они свяжутся с Данией для получения указаний, пройдёт не один месяц. Сам остров Мичинес был малолюден: тогда там жило всего пять человек. Поэтому никто не стал ничего выяснять.

Через несколько лет приплывшие на Кольтур рыбаки нашли на острове растерзанные тела двух моряков. Их считали пропавшими во время недавнего шторма. Но, очевидно, они сумели добраться до острова, где и нашли свою жуткую смерть. Мясник, которого позвали с Бороя, обнаружил, что у них отсутствуют лёгкие и печень, а лекарь со Стреймоя определил, что умерли они в разное время. Снова грудная клетка была вскрыта как будто когтями. Жители Фарер были возмущены и напуганы. В этот раз послали за властями. Но ни один полицейский ничего не нашёл. Долгое время Кольтур стоял необитаемым, как Луйтла-Дуймун. Потом на нём поселился молодой монах. Он основал здесь маленький скит для себя и жил здесь до глубокой старости. Он умер два года назад, как мне говорили. Его место отчасти занял отец Фолкор. Вы его видели. Вообще-то, он служит в Дании. Но здешних жителей тоже считает своей паствой. Из тех, кто придерживается католицизма, конечно. Раз в два месяца он приезжает сюда и на другие острова, остальную часть недели проводя на Кольтуре. Он утешает людей в их страхах, поскольку растерзанные тела стали появляться и у нас тоже. Если это не закончится, Стоура-Дуймун постигнет бесславная судьба Луйтла-Дуймуна и ужас Кольтура, Мичинеса, Скувоя и Свуйноя, где за двести прошедших лет тоже появлялись растерзанные тела. Потом острова пустели, приходили в упадок и дичали. Пока по прошествии лет на них снова не высаживались рыбаки, а пастухи не начинали пасти своих овец…

- Но при чём тут русалки? – снова спросил мистер Смит, жадно ловя каждое слово женщины.

- Скоро я дойду и до этого, - спокойно ответила «старуха Герда».

Она помешала угли в очаге. Вспыхнувшее пламя осветило потемневшую комнату. Женщина зажгла свечу.

- За столько лет, что происходят эти зверства, люди рассказывают разное. Кто-то видит в небе возмущённых ангелов в божественном сиянии, кто-то слышит проклятия гринд. Один человек видел огромную чёрную собаку с горящими глазами. Он утверждал, что она была размером с медведя. Правда, видел он её, когда был туман, а сам он был пьян после празднования свадьбы дочери. Но несколько весьма уважаемых человек утверждали, что вечером на скалах они видели женщину с длинными чёрными волосами, которой никто не знал. А ночью та же самая женщина плескалась в океане и пела. Однажды некий весьма трезвомыслящий кузнец, чья фантазия распространяется только на изобретение ругательств, чтобы обругать подмастерьев, видел, как она выбиралась на сушу – точь-в-точь как тюлень. Вместо ног у неё был рыбий хвост. Все эти свидетельства записаны и хранятся в старом монастыре Мункастован. Однако за последние десять лет людей, видевших такую женщину, стало больше. Ваш знакомый Йостин Якобсен тоже не раз её видел. И однажды ему довелось присутствовать при обнаружении растерзанного тела маленького мальчика. С тех пор он и не любит говорить об этом.

- Так жители уверены, что это та русалка расправляется с людьми? – Глаза мистера Смита странно горели. Он подался к её женщине, стремясь впитать каждое её слово.

- В разные года люди описывали разных женщин с хвостом вместо ног. У одних она была тёмной длинноволосой фурией с горящими глазами. У других светловолосой красавицей, способной обращаться в рыбу. Кто-то вообще видел мужчину. Именно поэтому Йостин Якобсен и сказал вам, что русалки у нас просто есть. Никто не знает, что им от нас нужно. Никто не знает, когда найдут ещё одно растерзанное тело. Никто не знает, где и когда это произойдёт. Двести лет люди прочёсывали острова, стараясь найти их логово. Но на островах так много пещер и тоннелей, что исследовать их до конца ещё никто не смог.

- И как же вы здесь живёте в постоянном страхе? – Мистер Смит был в восторге: чернота в его душе как будто начала расцветать, заполняя собой его мысли и желания.

- Все мы когда-то умрём, - обречённо сказала Евфимия Ольгердова. Она откинулась на спинку стула, настороженно глядя на мистера Смита.

А тот сидел, упиваясь рассказом. Наконец! Он нашёл то, что ему нужно в данный момент его жизни. Ужасы, тайны, причастность к этому и возможность самому

разгадать загадку, над которой тут бьются двести лет. А может он наткнётся на растерзанное тело, и зрелище это насладит его. И он перестанет чувствовать свою ненужность, бессмысленность жизни и безысходность своего существования.

Затянувшееся молчание тревожило женщину. Евфимия как будто ощущала, как сгущается тьма вокруг её посетителя, сидевшего в расслабленной позе, словно это он был хозяином в её доме. Жутковатая улыбка блуждала по его губам, временами обнажая в жестоком оскале его крепкие зубы. Евфимия внутренне содрогнулась. Она вдруг отчётливо представила последствия своего опрометчивого поступка: уже несколько лет этот почти безлюдный островок не посещало зло. Но теперь, благодаря её оплошности и стремлению к разрушению мистера Смита оно вернётся.

- Где в последний раз видели тело? – вдруг спросил гость, прервав размышления хозяйки.

- На Хестуре, - мрачно ответила Евфимия.

- Скажите, а где здесь можно нанять лодку? Я хочу поездить по вашим островам.

- Как только закончится забой гринд, на остров вернётся Синдри Дьюрхус – сын вашего хозяина. Можете поговорить с ним.

- Премного благодарен.

Он встал, наслаждаясь замешательством хозяйки. Он снова ощущал упоение, возвышаясь над ней, подобно падишаху над своей наложницей. Эта женщина, пугавшая его проницательностью и предсказаниями, сейчас сама была напугана. Ни с чем не сравнимое обладание властью над одним человеком, пусть какой-то женщиной, но властью безграничной наполняло его радостью и уверенностью в том, что ему позволено всё. Пугавшая его женщина была напугана им. Он мог сейчас свернуть ей шею, мог ударить, оскорбить. Он мог всё. Он смотрел на неё сверху вниз и ждал, пока она будет окончательно сломлена.

Но Евфимия вдруг резко встала. Вся её фигура выражала решительность, а взгляд был твёрд.

- Вы покинете мой дом и забудете всё то, что я сказала, - негромко нараспев сказала она, глядя ему в глаза.

Дрожь восторга стала спадать с мистера Смита. Он начал медленно погружаться в глубины этих странных глаз. Его постепенно обволакивало тёплое облако. Чёрная, как будто ощетинившаяся душа его словно начала складывать крылья,

затворялась в гордом молчании. Однако… Почему? – вдруг взбунтовался его разум. Мистер Смит тряхнул головой, освобождаясь от наваждения.

- С какой стати мне это делать? – спокойно спросил он, медленно подходя к Евфимии.

- Потому что вам нужно не это, - снова вкрадчиво сказала женщина. Она не сводила взгляда с глаз мистера Смита, в которых начинало подниматься бунтующее беспокойство. Незаметно для него в её руках появился нож.

- Может, вы мне скажете, что мне нужно? – Мистер Смит подошёл ближе, положив руку на плечо женщины и стиснув его.

- Обратитесь к богу, - нараспев произнесла Евфимия. Она прижала ручку ножа к животу так, что острый конец был направлен на мистера Смита. Если он подвинется ещё ближе – он ощутит укол. Евфимия видела, что не справляется со злой волей мужчины. Зря, зря она рассказала ему! Думая, утолить его жажду зла и острых ощущений рассказом, она не могла подумать, что этим только разожжет его любопытство. Древние истории в прошлом. Как и древние предания и легенды они могут заинтересовать, вызвать мысли, мечты, фантазии и сожаления. Но то, что ещё не ушло во тьму времени может вызвать жгучее любопытство и желание участвовать в событиях самому. Что Евфимия и наблюдала.

Мистер Смит хотел пододвинуться ближе. Ощутив укол, он вдруг разозлился: его добыча – испуганная женщина – уступила место решительной и властной колдунье. Опять она одержала над ним верх!

Мистер Смит хотел уже схватить её за руку и вырвать нож, но тут в дверь постучали.

- Герда! Ты дома? – раздался голос Алвы Дьюрхус. – Бартал с крыши упал, сломал ногу. Приходи скорей!

Мистер Смит отпустил плечо Евфимии и резко развернулся. Решительным шагом он направился к двери и со всей силы толкнул её. Алва, стоявшая чуть в стороне, даже не вздрогнула. Она лишь подняла на него пустые ничего не выражающие глаза и спокойно вошла в дом.

- Герда! Ты где? – снова крикнула она, войдя и закрывая за собой дверь.

Мистер Смит злобно смотрел ей вслед, с силой ударил в закрытую дверь и с досады плюнул.

- Мерзкая корова, - буркнул он и, быстрым яростным шагом пошёл к калитке.

Алва в это время спокойно наблюдала за судорожными действиями Евфимии, которая нервно перебирала столовые приборы.

- Чего он хотел? – без эмоций спросила Алва.

- Это злобный человек с тёмной душой, - порывисто сказала Евфимия, садясь на стул. Она тут же встала и нервно заходила по комнате, бесцельно двигая горшки и перекладывая травы. – Алва! Я совершила большую глупость! – Она снова села на стул. – Я думала, рассказав ему о русалках, я успокою его. Но стало только хуже. Он силён, Алва. – Она подняла голову. – Поначалу он показался мне слабым, мелким ничтожеством, с силёнками которого я могу совладать. Но я ошиблась.

- Когда я вошла, у тебя в руках был нож. Ты что хотела его зарезать? – спокойно спросила Алва.

- Нет. Я хотела его остановить. Говорю тебе, Алва, он силён. Я пыталась внушить ему забыть наш разговор и уехать. Поначалу он начал поддаваться. Но потом что-то случилось – он устоял. Он смог подойти ко мне и схватить за плечо. Когда ты постучала, мне показалось, что он готов задушить меня. Потому я и взяла нож.

Она встала и подошла к низкому окошку, сложив руки на груди и глядя в сумерки за окном.

- Да, а как там Бартал? Ты сказала, он сломал ногу, - встрепенулась она.

- Ерунда. – Алва махнула рукой. – Просто сильный ушиб.

- Но зачем?.. – начала Евфимия, садясь.

- Он сказал Барталу, что пойдёт к тебе. А я сразу поняла, что это за человек, едва его увидела. Я боялась чего-то подобного. Хорошо, что я успела.

- Однако я рассказала ему о русалках, - вздрогнула Евфимия и обхватила плечи руками. – Я сама впустила зло на наш остров.

- Он приехал не по твоему зову. А сам по себе. Ты тут ни при чем. А зло? Чему быть – тому не миновать, - философски ответила Алва.

Женщины молчали. За окном снова барабанил дождь.

Взбешённый мистер Смит стремительно шагал по острову, сбивая тростью головки диких цветов и траву. Эта мерзавка снова его обыграла, снова не дала насладиться властью над ней. И хуже того: ему помешала какая-то крестьянка! Он был в ярости.

Шагая, цедя ругательства и изничтожая ни в чем не повинную флору, он дошёл до обрыва, за которым простирался равнодушный океан. Редкие капли дождя не охладили его ненависти. Стоя на краю, он в бешенстве швырял в воду камни и пинал их ногами.

- Что вас так расстроило, сын мой? – вдруг услышал он за спиной.

Резко развернувшись, он увидел отца Фолкора, с лёгкой улыбкой наблюдавшего за ним. Именно эта улыбка и привела мистера Смита в ещё большее исступление. Он подскочил к священнику и схватил его за ворот сутаны, сильно дёрнув её на себя.

- Вы! – вскричал он. – Что вам надо от меня? Что вы следите за мной? Что суёте свои грязные руки мне в душу?

Он кричал и тряс оторопевшего священника. Тот мягко держал его стиснутые кулаки и лишь спокойно смотрел в налитые кровью глаза и искажённое злобой лицо.

- Успокойтесь, молодой человек, - сказал священник, разрываясь между страхом и желанием дать сдачи. – Никто за вами не следит. Я просто гулял среди скал и заметил вас. Ваш вид побудил меня обратиться к вам со словами утешения. Я лишь хотел проявить участие и облегчить ваши страдания. Это мой долг как пастыря и как христианина.

- Лжец! – закричал мистер Смит, и со всей силы оттолкнул отца Фолкора. Священник, оставшись без опоры, некоторое время балансировал на самом краю, протягивая руки к мистеру Смиту. Но тот, осознав, что священник вот-вот упадёт, с жестокой улыбкой наблюдал над его беспомощными движениями. Он даже отошёл назад, чтобы священник не смог уцепиться за него. Несколько раз нелепо взмахнув руками, отец Фолкор вдруг сорвался вниз. Мистер Смит постоял некоторое время на месте, затем осторожно подошёл к обрыву и заглянул вниз. На крупных камнях, куда долетали брызги волн, бьющих и лизавших берег, без движения лежало изломанное тело отца Фолкора. Мистер Смит едва подавил рвущийся наружу крик. Первое мгновение ужас от содеянного охватил его душу. Он стоял и просто смотрел, как далеко внизу лежит чёрное пятно, ещё недавно бывшее человеком. Но по мере того, как осознание неподвижности человека внизу доходило до него, на губах мистера Смита стала растягиваться жуткая

усмешка. Он пожирал глазами недвижимое тело и радовался своей смелости. Он воровато огляделся по сторонам и, не увидев никого, разразился жутким смехом, каким, наверно, смеялся змей в Эдемском саду, наблюдая за изгнанием Адама и Евы. Он запрокинул голову к серому небу и вскинул руки навстречу редким каплям дождя.

- Где твой бог! – вскричал он, продолжая смеяться. – Почему не отвратил от меня? Почему не вознёс тебя, когда ты падал? Нет бога! Нет! Есть человеческая глупость!

Он ещё некоторое время кричал тяжёлым и суровым тучам, пока не выдохся. Опустив взгляд вниз, он убедился, что отец Фолкор остался недвижим, и снова зашёлся в истерическом смехе. Отсмеявшись, он плюнул вниз и, довольный собой, гордо зашагал к дому Бартала Дьюрхуса. Его душа пела, наслаждаясь злодейством.

Прошедшие несколько дней мистер Смит если и вспоминал о своём деянии, то как о незначительном и обычном событии. От содеянного его настроение было на подъёме, он чуть не пел под хмурыми взглядами Алвы, всякий раз ехидно и иронично разговаривая с ней, пытаясь вывести её из холодного и бесстрастного состояния.

Дни на Стоура-Дуймун не отличались разнообразием, и он, навязавшись однажды Синдри Дьюрхусу, вышел с ним на забой гринд – чёрных дельфинов. Крики моряков, загоняющих гринд к берегу, вода, наполненная кровью, мёртвые туши животных, шум забоя и запах крови, мёртвых туш, разгорячённых тел и всеобщего воодушевления взбудоражили его. С диким блеском в глазах и торжествующими воплями он бросался на невинных животных, поражая Синдри яростью и безжалостностью. Утопая по колено в кровавой воде, мистер Смит был счастлив. Сколько хватало глаз вода была красной, что вызывало в нём желание окунуться в неё как в ванну с кровью. Одно омрачало его настроение: эту воду нельзя было пить, что он давно уже хотел попробовать, а купание в ней было бы неправильно понято моряками. Да и холодно было купаться. Но уже одно то, что он имел возможность безнаказанно убивать, пусть и гринд, отчасти примиряло его с невозможностью собственноручно убить человека. Всё же убийство отца Фолкора было с его стороны непреднамеренным. А он хотел ощущать, как одним мановением своей руки, как одним желанием своего разума он может как даровать жизнь, так и прекратить её существование. И, забивая гринд, он испытывал хоть отчасти то, что хотел испытать.

После нескольких выходов Синдри отказался брать с собой мистера Смита: моряки традиционно забивали гринд для своих нужд, это был их ритуал, дань прошлому и заработок и обеспечение пропитания в настоящем. Они вовсе не стремились извести всех животных, потакая своим низменным инстинктам. Мистер Смит снова пришёл в ярость: больше заняться на Стоура-Дуймун было нечем. И у него отняли такое развлечение и наслаждение! Тогда, сговорившись с одним заезжим моряком, он нанял лодку и стал посещать остальные острова, пропадая там целыми днями.

Алва, не видя отца Фолкора, была обеспокоена его отсутствием. Однако Бартал высмеивал её тревоги. Он напоминал ей, что отец Фолкор – священник, а значит может посещать паству на островах. Алва резонно возражала, что островная паства – не его, а на Стоура-Дуймун отец Фолкор приезжает, чтобы отдохнуть. На что Бартал махал рукой, запрещая ей тревожиться.

Мысли Алвы разделяла только Евфимия. Благодаря своим дарованиям, она мрачно говорила подруге, что священник, скорее всего, мёртв. И в один из дней, когда Бартал ушёл пасти овец, а мистер Смит уплыл на Скувой, женщины решили осмотреть остров. Однако следов отца Фолкора они не нашли. Зато наткнулись на приезжую женщину, неизвестно зачем оказавшуюся на острове. Женщина была болезненно бледна и хрупка, её настороженно смотревшие глаза сверкали нездоровым блеском, а тонкие суетливые пальцы, казалось, не знали покоя. Нахождение рядом с ней создавало какое-то напряжение и мрачную неотвратимость грядущей беды, что более усиливалось, когда она начинала пророчествовать о своей скорой смерти. Бартал Дьюрхус ничего не замечал, радуясь новой постоялице, которая нервно прохаживалась по отведённым ей комнатам, морща носик и сжимая и разжимая тонкие пальцы в кулачках. Алва мрачно наблюдала за ней. Она ожидала встречи незнакомки и мистера Смита. Однако он появился только тогда, когда гостья ушла спать. Поднявшись через час к ней, Алва застала женщину, метавшуюся во сне, и разбросанные по убогой комнате вещи. Оставив грелку в ногах кровати, Алва вышла.

А мистер Смит возбуждённо рассказывал отцу и сыну Дьюрхусам о жутком событии на Скувое: там, на берегу сегодня нашли растерзанное тело местного жителя. Оно было обезображено так, как будто на него напало дикое животное: размозжённая голова, на горле следы когтей, лёгкие и печень удалены. Мистер Смит описывал мельчайшие подробности с упоением, вызвавшим отвращение на лице Дьюрхусов. А Алва порадовалась, что здесь не присутствует приезжая нервная датчанка: ту бы точно хватил удар как от ужасающих подробностей, так и от смакования, с которым они излагались. Битта Хансен, как представилась женщина, приехала в это скучное, отдалённое и безлюдное место по совету

своего врача, чтобы дать покой истерзанным нервам. Алва покачала головой: что происходит на Большом острове и континенте, что англичане и датчане ездят лечить нервы? Бартал Дьюрхус не задавался этим вопросом: нервы у него никогда не болели, а философские вопросы не затрагивали его ум.

Когда мистер Смит поднялся к себе, вдоволь насладившись рассказом о растерзанном теле, Алва снова заглянула к приезжей женщине. Но той не оказалось на месте. Встревоженная Алва осмотрела её вещи. Прочные ботинки и тёплый плащ отсутствовали. Алва спустилась вниз. Найдя мужа, она озабоченно обратилась к нему:

- Наша гостья куда-то вышла.

- Ну и что? – не понял Бартал. – У нас не Лондон, убийц и грабителей нет.

- Убийц нет, - терпеливо сказала Алва. – А обрывы и овраги есть. Она вполне может в темноте оступиться и сломать ногу. Я не говорю о том, что сорвётся вниз на камни. Тем более, что дождь опять зарядил: она может простудиться.

Бартал с видом мученика, ворчливо поднялся со своего места и пошёл за фонарём. Вдвоём с сыном они вышли в ночь искать беспокойную женщину. Внешне невозмутимая Алва встревожено осталась их ждать. Рассказ мистера Смита о растерзанном теле на Скувое произвёл на неё впечатление: давно уже на здешних островах не случалось подобных событий. И отец Фолкор куда-то пропал… Алва чувствовала, что всё это как-то связано с мистером Смитом: до его приезда много лет на островах не находили растерзанные тела и никто не пропадал. В мрачном ожидании она не могла поговорить с Евфимией: та могла уже спать, а когда вернутся муж и сын она не знала. И, чтобы отвлечь себя, занялась овощами и мясом для завтрашнего обеда.

Ближе к рассвету вымокшие и усталые Бартал и Синдри вернулись. Бартал Дьюрхус был весьма обеспокоен пропажей женщины, и на следующий день собрался снова идти её искать. Алва, которая хотела посетить Евфимию, вызвалась пойти с ним.

Сильный ветер пригибал ветки деревьев к земле, мелкий дождь влажной пеленой ложился на лицо. Трепещущий огонёк за стёклами фонаря скудно освещал туманную дорогу. Отбросив учтивость, Бартал и Алва выкрикивали в сумраке имя приезжей, не слыша ответа.

Через два часа поисков снизу раздался крик Синдри. Алва и Бартал поспешили к нему. Уже приближаясь к тёмной массе, распластанной на камнях, Алва знала, что увидит. И, подойдя, кроме сына, она заметила мистера Смита, с дьявольским блеском в глазах кружащего около женщины в своём тёмном пальто. Подошедший Бартал, взглянув на неё, резко отпрянул: горло женщины было разорвано, грудная клетка и живот выворочены. И весь этот кровавый ужас не вязался со спокойным удивлением на лице женщины: видимо, она умерла раньше, чем ей нанесли эти жуткие раны. Окровавленная голова подтверждала это предположение.

- Русалки… - дрожащим голосом сказал Синдри. – Они вернулись…

Он с ужасом смотрел на мать. Её зелёное лицо постепенно покрывалось восковой бледностью. Его отец вздрогнул.

- Не говори глупостей! – одёрнул он сына. – Она просто упала со скалы.

- А горло ей порвали птицы? – со спокойной иронией спросила Алва, указывая на кровавую рану.

- Вы мне не говорили, что здесь водятся дикие звери, - удивлённо сказал мистер Смит, пожирая глазами окровавленные подробности.

- Да нет тут диких зверей, - раздражённо сказал Бартал. – Птицы, тюлени и гринды - вот и все дикие звери. А, да, ещё овцы. Надеюсь, вы не думаете, что её загрызла овца?

Он недовольно посмотрел на мистера Смита, лицо которого, казалось, было озарено каким-то дьявольским светом. Тот хмыкнул.

- Нужно сплавать за полицией, - сказал Синдри. Он уже пришёл в себя, только был всё ещё бледен.

- И что это даст? – Бартал махнул рукой. – Десять лет назад они ничего не сделали, не сделают и сейчас.

- Эта женщина иностранка, - спокойно сказала Алва. - Её наверняка будут искать. Не дело, если выяснится, что её убили, а мы ничего никому не сказали.

- Никто её не убивал! – снова раздражённо возразил Бартал.

- Вот и пусть это будет официально отмечено и зафиксировано, - по-прежнему спокойно сказала Алва. – И хорошо бы, чтобы её забрали в Торсхавн: её родные наверняка захотят её похоронить у себя. Да и священник не помешает.

- А, кстати, - встрепенулся Бартал. – Надо предупредить отца Фолкора, чтобы прочитал заупокойную.

- Она была датчанка. А значит, скорее всего, лютеранка. Католический священник ей не поможет, - сказала Алва, глядя на мистера Смита.

- Да какая разница? – махнул рукой Бартал. – Покойнику всё равно, кто и на каком языке его проводит к богу.

Алва пожала плечами, по-прежнему глядя на мистера Смита. Тот, как ребёнок, получивший новую игрушку, с затаённым восторгом не прекращал кружить около растерзанной женщины. Он не обращал внимания на слова Синдри и Бартала и на внимательный взгляд Алвы. Казалось, он готов был накинуться на тело и утащить его куда-нибудь. Алва, не сводя взгляда с мистера Смита, тихонько поговорила с Синдри. Тот с серьёзным видом слушал её, кивая головой. Затем быстро вскарабкался по камням наверх и скрылся среди серых туч.

- Ну что? – спросил Бартал. – Покойница никуда не убежит, а мне пора заниматься делами. Алва, ты идёшь? – Он повернулся к жене.

- Иди, я тебя догоню, - сказала она.

Бартал посмотрел на неё, на мистера Смита и неторопливо пошёл вслед за сыном.

Наступившая тишина отвлекла мистера Смита от созерцания трупа. Он поднял глаза на Алву и насмешливо спросил:

- Боишься, что я надругаюсь над трупом?

- Да, - прямо сказала Алва, не отводя глаз. – Я думаю, и на это вы способны. Но вас я не боюсь.

- Значит, вот какого ты обо мне мнения? – Он задумчиво оглядел её. Алва спокойно стояла перед ним, сложив перед собой большие руки. – А, всё равно. – Мистер Смит махнул рукой и медленно пошёл по берегу, фальшиво насвистывая какую-то мелодию. Алва мрачно смотрела ему вслед.

Волнение, поднявшееся на море, помешало Синдри Дьюрхусу выйти на лодке сразу. Прошло несколько дней, прежде, чем он отправился на Стрёймой в столицу. Чтобы уберечь тело Битты Хансен, Алва и Евфимия перенесли его в подвал дома Дьюрхусов и обложили льдом. Приехавшему полицейскому,

Ингвару Смитссону это не понравилось: он хотел, чтобы тело оставалось на месте преступления. Но сопровождавший его врач похвалил женщин и объяснил полицейскому, что в противном случае либо тело склевали бы птицы, либо оно начало бы разлагаться, что возможным родственникам пострадавшей уж точно бы не понравилось, либо стихия не пощадила бы тело, что также не порадовало бы этих родственников. Бартал Дьюрхус, которого снова оторвали от дел, ворча, повёл недовольного полицейского, что-то бурчавшего себе под нос, к месту преступления. Синдри увязался за ними. А, видя, что мистер Смит тоже присоединился к ним, Алва решила пойти следом. В пути ко всей компании присоединилась Евфимия. Она и Алва шли в стороне от мистера Смита и тихо переговаривались. А тот, пытаясь сдержать возбуждение, постоянно забегал вперёд, поджидая остальную компанию.

Придя на место, полицейский осмотрел каменистый пляж, валун, на котором, как ему поспешил сообщить Синдри, он нашёл женщину, и отвесные скалы вокруг. Для очистки совести, он взобрался наверх и осмотрел землю с травой там. Судя по его виду, когда он спустился, чтобы ещё раз оглядеть валун и камни вокруг него, он уже пришёл к каким-то выводам. Вынув записную книжку, огрызком карандаша он что-то там быстро написал. Затем, захлопнув книжку, он направился назад, не заботясь о том, следует ли кто за ним или нет. Синдри и Бартал последовали за ним, а мистер Смит снова кружил вокруг камня, с которого дождь и брызги воды прилива уже смыли кровавые пятна. Алва и Евфимия стояли в стороне и смотрели на него, тихо переговариваясь.

Мистер Смит, удовлетворившись, наконец, увиденным, поднял голову.

- Ну, что, вороны? – громко обратился он к женщинам. – Что вам от меня надо?

Хорошее настроение, в котором он пребывал, когда чуть не обнюхивал валун, испарилось. Он с досады плюнул в их сторону и поспешил за удаляющейся толпой.

- Если бы я своими глазами не видела его в доме, я бы поклялась, что это он столкнул бедняжку и надругался над трупом, - сказала Алва. Евфимия мрачно кивнула.

- И отец Фолкор пропал, - произнесла она.

Они поспешили за мистером Смитом, который уже догонял полицейского с Дьюрхусами.

Когда они вернулись, из подвала выходил врач, на ходу вытирая руки полотенцем. На его лице отражалась озабоченность, лоб бороздили морщины.

Завидев полицейского, он мрачно обратился к нему:

- Если бы я осматривал это тело в Африке, я бы сразу вам сказал, Ингвар, что тут поработала крупная обезьяна, орангутанг или горилла, к примеру. Но мы находимся посреди Атлантики, где подобные твари просто замёрзнут. Вы уже сделали выводы? – Он посмотрел на застывшего полицейского. «Только обезьян мне тут не хватает!» - прошептал тот.

- Я думаю, дамочка оступилась ночью и сорвалась со скалы, - сказал он.

- Может и так, - с сомнением сказал врач. – Но я не нашёл синяков и следов, которые обычно возникают при падении. А форма раны на голове и песок в ней говорят о том, что её ударили камнем. Остальные же раны ставят меня в тупик.

- Что вы имеете в виду? – встрял мистер Смит, с жадным любопытством ловя слова врача. Тот недовольно посмотрел на него.

- Какие раны? – спросил полицейский.

- Как если бы её терзало дикое животное, например, обезьяна, как я уже говорил, - веско сказал врач, неодобрительно глядя на мистера Смита. Полицейский вытаращил глаза.

- Я должен посмотреть на это сам, - произнёс он, нахмурившись.

- Извольте. – Врач отошёл от двери, ведущей вниз. – В заключении я напишу всё подробно. А вам я бы посоветовал поискать одичавшую обезьяну, - сказал он ему вслед.

Ингвар Смитссон быстро скрылся в полумраке.

Врач проводил его взглядом и посмотрел на мистера Смита.

- Ведь это вас я видел на Скувое недавно? – спросил он.

- Совершенно верно, сэр, - самодовольно сказал мистер Смит. – А что, эти случаи так похожи?

Врач стал меланхолично набивать трубку табаком, задумчиво глядя на него.

- Похожи, очень похожи, да, - ответил он. – А у вас в этом какой интерес?

Мистер Смит, криво улыбнувшись, отошёл от него.

- Нет у меня интересов. Совершенно никаких, - буркнул он.

Алва и Евфимия не сводили с него глаз.

Из подвала появился бледный полицейский.

- Я не врач, - сказал он, морщась. – Но, сдается мне, вы правы, - обратился он к врачу. – Признаюсь, я поспешил с предположениями. Что же это происходит? – спросил он, оглядывая компанию. - На Скувое недавно случилось нечто похожее, теперь здесь! И это всё началось с вашего приезда, мистер Смит.

Он подозрительно посмотрел на молодого человека. Тот нервно дёрнул плечом, оскалился в безнадёжной попытке придать себе уверенный вид.

- Вы меня в чём-то обвиняете? – надменно спросил он.

- Для обвинения нужны доказательства, - с сожалением сказал полицейский. – А у меня только смутные догадки и неясные подозрения. А это к делу не относится. Домысливать всякий волен. Только суду это не предъявишь в качестве улик.

Он решительно прошёл в общий зал.

- Господин Дьюрхус, - обратился он к Барталу, обернувшись. – Мне понадобится для допроса отдельная комната. Подойдёт любая, даже самая маленькая. Я буду признателен вам за помощь.

Бартал удручённо кивнул и пошёл к тёмному коридору. Ингвар Смитссон решительно последовал за ним.

Допрос слегка развлёк мистера Смита, который чуть не в лицо смеялся полицейскому, едва сдерживавшемуся, чтобы не поставить на место наглого англичанина.

В отличие от своего постояльца, Бартал Дьюрхус пребывал в скверном настроении: он не боялся утраты репутации своего дома – никакой репутации не было вообще на этом безлюдном острове, где не было ни одной гостиницы. Его выводило из себя бесконечное повторение одного и того же в попытке найти нестыковки в его словах. А так же то, что на подобную ерунду он тратит время, которое мог бы употребить с большей пользой.

Алва, и тем более, Евфимия ничем не могли помочь: Евфимия ничего не знала, а Алва, что ей очень не понравилось, лишь подтвердила алиби мистера Смита. Так же она не преминула добавить о таинственном исчезновении отца Фолкора. Но

всё испортил её муж, который поучающим тоном вещал о том, что отец Фолкор приезжает на острова регулярно и вовсе не для того, чтобы мозолить им глаза. Оставив на время в стороне предполагаемую пропажу священника, Ингвар Смитссон распорядился перенести тело датчанки в лодку. Изнывавшие от безделья констебли, которых он привёз с собой, всю дорогу до Стрёймоя наперебой строили предположения, что случилось с женщиной, и сравнивали её случай с недавним на Скувое.

Когда они уехали вместе с Барталом Дьюрхусом в качестве свидетеля, Алва и Евфимия решили снова обыскать остров, чтобы найти отца Фолкора. Хотя, не исключено, что он действительно уплыл на другие острова по своим делам. Глядя на их приготовления, мистер Смит лишь отпускал ироничные замечания, насмехаясь над способностью женщин хоть что-то предпринять.

Во время очередного особенно едкого выпада, Алва спокойно подошла к нему с огромным кухонным ножом и столь же спокойно, даже равнодушно сказала ему, покачивая нож в своих больших руках:

- Остров у нас маленький, людей мало. А приезжие, как вы заметили, имеют странность пропадать. Некоторых, как эту датчанку, потом находят. Мне бы очень хотелось вас найти в таком же виде, как и её. А вам?

Мистер Смит смертельно побледнел. Глядя в её холодные и равнодушные глаза, на нож в обветренных красных руках, он понял: его жизнь на этом острове вовсе ему не принадлежит. Выругавшись, он отошёл подальше, и всё остальное время, пока они собирались, не произнёс им ни единого слова. Лишь тогда, когда они уходили, он шёпотом им в спину пожелал не вернуться.

Как сказала Алва, остров был действительно мал, и спрятаться на этом скалистом обломке суши было негде.

Потратив на исследования пару часов, они решили искать на холмах: кто знает, может, отец Фолкор оступился и лежит сейчас в каком-нибудь ущелье?

Новые исследования не заняли много времени, ибо холмы ущельями не изобиловали, а скалы и горы были не слишком высоки и мало проходимы. Не говоря о том, что священнику средних лет вовсе не зачем было туда забираться. Оставалось одно: искать в расселинах на берегу. Но Евфимия и Алва опасались забираться глубоко в пещеры: хоть они жили на острове достаточно долго, но так и не изучили до конца всех ходов подземного лабиринта.

Однако ближе к вечеру около неприметного входа в очередную пещеру женщины нашли следы, как будто здесь волоком тащили что-то тяжёлое. Следы обрывались у входа. Евфимия не решилась проследовать туда: темнело, а у них даже топоров или палок не было с собой для защиты. Посовещавшись с Алвой, они решили вернуться сюда завтра, соответственно экипированными.

Их хмурое возвращение мистер Смит встретил, не сумев сдержать победной улыбки. Ехидное замечание уже готово было сорваться с его губ, но он заметил внимательный взгляд Алвы и лишь иронично ухмыльнулся. Воздав должное элю Бартала Дьюрхуса, он вышел покурить на крыльцо, насвистывая победную песенку. Он видел, как удалялась Евфимия, и хотел проследовать за ней, чтобы поиронизировать над её пророческим даром. Но она вдруг остановилась, пройдя не больше полусотни шагов, и обернулась к нему. Даже в сгущающихся сумерках и на таком расстоянии он почувствовал всё её презрение к нему. Злобно сплюнув, он выбросил окурок и вошёл обратно в дом.

Волнение на море не давало надежд на скорое возвращение Бартала Дьюрхуса. Управившись с делами и подав завтрак мистеру Смиту, находившемуся в приподнятом настроении, Алва собрала нехитрые пожитки и направилась к Евфимии. Синдри увязался за ней, радуясь возможности увильнуть от овец. По дороге Алва заглянула ещё в пару хижин, где ещё оставались моряки после забоя гринд, чтобы собрать поисковую партию. И к дому Евфимии подошла группа из четырёх мужчин с фонариками, возглавляемая Алвой.

Они вернулись к месту, где вчера женщины нашли следы волочения. Группа, предваряемая Алвой, вошла в пещеру, предварительно привязав крепкую верёвку к одному из валунов, чтобы потом по ней можно было бы вернуться назад, если им случится заблудиться.

Вход в пещеру был холоден и влажен. Однако, чем дальше шли люди, тем шире и суше становился проход. Из экономии они зажигали только два фонаря, внимательно осматривая камни вокруг. На некоторых камнях на уровне груди были видны царапины, отдалённо напоминавшие стрелки, а сами проходы поворачивали под немыслимыми углами, разветвляясь в узкие тоннели и чёрные провалы, в которые с трудом можно было протиснуть руку.

Вдруг Синдри остановился и посветил себе под ноги.

- Матушка, я ошибаюсь, или это кровь? – спросил он, присев на корточки и трогая пальцами засохшее пятно на полу.

Алва подошла к нему. Прикоснувшись, в свою очередь, к пятну, она растёрла его между пальцами, понюхав и попробовав на кончик языка.

- Похоже, ты прав, сын, - мрачно сказала она.

Посветив вокруг себя, она заметила ещё капли, неравномерно располагавшиеся на песке.

- Интересно, что случилось с отцом Фолкором? И что ему понадобилось в пещере? – задумчиво спросил один из мужчин, оглядывая каменные стены. – Почему он не пришёл к нам, а уполз сюда?

Алва мрачно посмотрела на него. Она хотела что-то ответить, но заметила, как Евфимия что-то внимательно рассматривала на стене, подсвечивая себе свечой.

- Что там? – спросила она, подходя.

Евфимия, молча, указала на грубо прочерченную стрелку и коряво процарапанные буквы, которые в неверном пламени фонаря и свечи перевела с латыни как «храни тебя бог». Женщины переглянулись.

- Что это может значить? – спросила Алва. Евфимия пожала плечами.

Их размышления прервал возглас мужчины, шедшего позади. Женщины вернулись к нему. Он указывал на стену, где снова была прочерчена стрелка, а ниже – примитивно начертанное распятие.

- Зачем отцу Фолкору это понадобилось? – спросил подошедший Синдри.

- Это может и не быть отец Фолкор, - сказала Алва.

- Тогда кто? За последние десять лет сюда приезжал только он. Да те двое иностранцев, один из которых жрёт яичницу с беконом у нас, дома, а вторая сейчас где-то на Стрёймое в морге Торсхавна. Остальные все живы-здоровы, - добавил он. Сгрудившиеся вокруг него мужчины закивали.

Алва нахмурилась. Она не сказала ничего, возглавив процессию, которая медленно стала продвигаться вглубь пещеры, следуя за стрелками, которые теперь стали попадаться чаще.

Постепенно проход стал сужаться, и вскоре по нему мой пройти только один человек. Мужчины оглядывали стены в поисках стрелок, игнорируя тёмные зевы ответвлений по обеим сторонам прохода и связывая между собой верёвки, когда те заканчивались.

Через довольно продолжительное время они внезапно вышли к большому пространству, освещённому парой толстых догоравших свечей. Посреди довольно высокого и просторного помещения на огромном плоском камне лежало тело в тёмной одежде со скрещенными на груди руками. Лицо было покрыто какой-то тканью. Синдри бросился к нему. Сдёрнув тряпку с лица покойника, он удивлённо воскликнул:

- Отец Фолкор!

Остальные быстро последовали за ним. Женщины медленно подошли последними, тихо переговариваясь между собой.

Синдри взял руку священника, кем-то заботливо уложенную на груди поверх другой, и быстро отпустил.

- Уже холодный.

Он положил ладонь ему на грудь. Как и ожидалось, биения сердца он не почувствовал.

- Что с ним произошло? – спросил один из мужчин, глядя на Евфимию.

Та подошла ближе. Мужчины расступились, дав ей возможность осмотреть тело.

Ощупав голову, торс и ноги мужчины, Евфимия заглянула в раскрытые безжизненные глаза, осмотрела его шею и голову. Когда она закончила, она выпрямилась, серьёзно оглядывая окружающих.

- У него переломы, много переломов. И разбита голова. Не берусь судить – я не хирург, не медик, но, мне кажется, он упал на камни с высоты.

Мужчины переглянулись.

- А потом сам дополз сюда? – удивлённо спросил один из них.

- Вряд ли: не берусь утверждать, но мне кажется, что его шея сломана. Так что он, скорее всего, умер сразу.

- Тогда кто?..

Его вопрос прервал возглас Синдри, который с фонарём обходил пещеру.

- Эй, мне кажется, тут кто-то живёт!

Мужчины поспешили к нему.

- Теперь начинаю догадываться, зачем отец Фолкор приезжал к нам на остров, - мрачно сказала Алва Евфимии. Та кивнула. – Он не слишком высокого мнения был о нас, раз считал, что такой глупой отговоркой, как отдых и забота о здешней пастве, рассчитывал обмануть.

- Но ведь твой муж и сын поверили ему, - сказала Евфимия.

- А мужчины склонны верить глупостям, изрекаемым другими мужчинами, - ответила Алва. – Ведь ты не поверила в побасенку мистера Смита.

- Нет, конечно, - пожала плечами Евфимия.

- А он считает, что всех нас обманул.

- Мужчины, - вздохнув, сказала Евфимия.

- Глупцы, - презрительно бросила Алва.

Они подошли к Синдри, который водил фонарём вдоль каменной стены, демонстрируя примитивную лежанку из камней с соломенным тюфяком и подушкой. Покрывало эту примитивную постель до невозможности грязное и облезлое одеяло. Рядом на большом плоском камне, служившем, видимо, столом, стояла потрескавшаяся деревянная миска и кружка, в которой что-то плескалось. В углу кучей лежали детские потрёпанные книжки. Тут же были навалены грифельные доски с кривыми каракулями, мелки, обломанные цветные карандаши и измятые листки бумаги с корявыми детскими рисунками. Мужчины изумлённо разглядывали их, передавая друг другу.

- Здесь что, держали ребёнка? – в полном ошеломлении спросил седобородый мужчина. – Отец Фолкор держал тут ребёнка?

- Да что вообще тут творится? – спросил мужчина помоложе из тёмного угла, копаясь в куче вещей. Остальные оглянулись на него: в вытянутой руке он держал потрёпанное грязное пальто, которое ребёнку было бы явно велико. Остальные подошли к нему. В куче вещей лежали дырявые свитера, грязные сорочки, длинные ночные рубашки, тёплые юбки, но ни следа чулок или ботинок.

- Это женщина? – спросил мужчина средних лет, держа в руках грязную юбку.

- Давайте не будем торопиться, - произнесла Евфимия. – Мы не знаем, кто здесь живёт или жил, мы не знаем, кто перенёс сюда тело и зачем, мы не знаем, бывал ли отец Фолкор в этой пещере вообще…

- А латынь на стене? А распятие? – перебил её Синдри.

- И всё равно, - упрямо сказала Алва. – Я не поверю, что отец Фолкор держал здесь кого-то против воли. Герда права: мы ничего не знаем. И, поскольку отец Фолкор мёртв, мы можем вызвать полицию и посмотреть его бумаги в его комнате. Может, там что-то прояснится.

Возвращалась кавалькада в полном молчании. Мужчины отделились от группы, вернувшись к своим делам. С Евфимией и Алвой остался только седобородый мужчина, которого все звали только по имени – Ингольф. На выходе из пещеры он предложил оставить кого-нибудь в качестве охраны, но более молодые мужчины не согласились.

- Что тут может произойти? – спросил один из них. – Покойник сам никуда не уйдёт, красть там нечего. А тот, кто приволок туда отца Фолкора, явно хотел воздать ему какие-то почести: уложил посреди пещеры, свечи зажёг… Поэтому вряд ли он будет таскать его с места на место.

Остальные согласились с ним. И лишь седобородый Ингольф возражал. Однако страх столкнуться с неведомым обитателем пещеры развязал языки мужчинам, и они приводили всё новые доводы против охраны этого места. Ингольф в конце концов сдался, мрачно поглядывая на них.

Когда все разошлись, он вместе с женщинами направился к дому Алвы, бормоча что-то себе под нос.

Комната отца Фолкора была небольшой, и как все комнаты в этом доме весьма просто обставленной. Вещей у священника было немного: несколько смен белья, чистая сутана, церковные предметы, в которых Алва ничего не понимала, потрёпанная библия на латыни и саквояж с какими-то склянками и порошками. Из всех бумаг была только пухлая тетрадь, из которой вываливались отдельные листы, запрятанная глубоко в мешок среди остальных вещей. Алва передала тетрадь Евфимии. Та заглянула в конец, чтобы прочитать последнюю запись. Это оказалось чем-то вроде дневника, размышления человека, без указания имён и дат. И последняя была написана, видимо, в день приезда отца Фолкора.

«Сегодня встретил на острове англичанина. Его душа во мраке, но хуже того, что он сам не понимает, что губит её. Не знаю, что у него случилось в прошлом, но в настоящем он мостит себе дорогу в ад. Несчастный человек. Сколько таких я видел в Англии, Дании и на континенте. Он считает, что имеет право делать несчастными окружающих просто потому, что несчастен сам. Я попытаюсь поговорить с ним. Но, боюсь, моих усилий будет недостаточно: он протестант, и

уже поэтому относится с недоверием, презрением и ненавистью к моему сану. Но я попытаюсь вернуть его к свету. Плохо то, что с такой же саксонской надменностью и презрением он относится и к нашему доброму хозяину и его жене: они так радушно приняли его…»

Дальше, видимо, запись была сделана спустя какое-то время в тот же день.

«Сегодня я посетил её. Она была спокойна. Надеюсь, что лекарств, которые я привёз, ей хватит продержаться до моего следующего приезда. Мы сидели на песке и смотрели на закат. Я рассказывал ей о боге и его милости, пытался показать ей красоту природы, в которой она живёт. Но бедное дитя постоянно отвлекалась. Она хотела есть. В последнее время она постоянно голодна. Возможно, у неё и ум ребёнка, но тело давно взрослой женщины. Она, несомненно, испытывает плотское вожделение, потому как иногда без причин становится грубой и агрессивной. Один раз она даже хотела укусить меня, когда я попытался её приласкать. Пришлось обмануть доброго аптекаря, чтобы дал мне лекарство для беспокойной прихожанки, страдающей нервными припадками. Надеюсь, бог мне простит эту маленькую ложь. Но я ведь не соврал полностью. Просто не договорил правду. Если бы я мог, я бы исповедовался епископу. Но это мой крест. И несправедливо, что за мой грех расплачивается невинный ребёнок. Грехи родителей падут на детей их до тринадцатого калена. Воистину, тяжкая ноша осознавать, что ты обрекаешь потомство на наказание за собственные грехи. Бог в мудрости своей не зря так постановил: многих это уберегло от потери свой души и наставило на путь благодати. Жаль, люди этого не понимают. Не понимают того, что человек ответственен не только за свои грехи, но и за грехи предков и наказания потомков. Хорошо, что моё бедное дитя не сможет иметь своих детей: для меня итак тяжко осознание того, что я обрёк её на такую жизнь. Это моё наказание. И я смиренно его принял много лет назад и терпеливо несу. Но это очень непросто: не имея возможности воплотить свои плотские желания, она становится очень злобной. И пока не поест, с ней невозможно общаться. Я со страхом жду возвращения в Данию: она умрёт здесь без меня. В прошлый раз я оставил ей достаточно еды, засолил рыбу, накоптил мяса, оставил галет, сухарей и засушенных овощей… Научил её саму ловить рыбу у берега… Однако, когда я приехал, она была голодна и глодала кости овцы, которую сумела утащить у моего доброго хозяина. Бедное дитя! Мне всё труднее приезжать к ней. А что будет, если мне откажут в моих поездках? Может, стоит сложить сан и переехать сюда, чтобы быть с ней? Наверное, так будет лучше. Надо будет подумать над этим. Займусь разведением овец и ловлей рыбы, как эти простые добрые люди. А чтобы никого не пугать, уеду с ней на Луйтла-Дуймун или Кольтур. Даже Стоура-Дуймун и Мичинес довольно обитаемы, чтобы жить здесь, с ней. До сих пор удивляюсь, как её здесь никогда

не видели…».

Евфимия опустила руки с тетрадью, с ужасом глядя на Алву.

- У вас в самом деле пропадали овцы? – спросила она.

Алва серьёзно смотрела на неё.

- Бывало как-то, - отвечала она, мрачно. – Синдри потом нашёл кости со шкурой на берегу под скалами. Бартал говорил, что глупое животное просто забрело к обрыву и сорвалось вниз. Дурацкое оправдание, конечно. Но приходилось его принять. Я же не знала, что у отца Фолкора есть больная дочь здесь, на острове.

- Чем же таким, кроме слабоумия, она больна, что ей нельзя жить среди людей? – задумчиво сказала Евфимия, перелистывая тетрадь. – Почему она не может иметь детей? Почему он не хотел, чтобы её видели? Зачем поселил в пещере?

- Он писал, что она становится злобной от голода – может, она буйно помешанная? – предположила Алва.

- И ты думаешь, что это она убила ту датчанку? – встревожено спросила Евфимия.

- Вполне может статься.

- Но где она? Отец Фолкор умер, и кормить её некому. Она вполне может убивать других людей, если это она убила датчанку.

- Не забудь про Скувой, - напомнила Алва. – Там тоже убили человека. И похожим способом.

- Но как она перебралась бы туда? – встревожено поинтересовалась Евфимия. – Ведь лодки не пропадали, и незнакомцев тоже никто не видел.

- Либо по тоннелям, что пронизывают все пещеры островов, либо очень хорошо плавает.

- В такой холодной воде? Как-то не верится.

Они помолчали.

- И всё же, удивительно, что её никто здесь не видел. За столько лет.

- Отец Фолкор её хорошо спрятал – ты же сама видела.

Женщины снова замолчали.

- Надо предупредить мужчин, чтобы осторожнее ходили по острову, пока мы её не найдём, - сказала Алва.

- Вряд ли наши слова воспримут всерьёз, - ответила Евфимия.

- Конечно, Бартал будет опять говорить глупости, - согласилась Алва. – Но когда мы покажем ему тело отца Фолкора и эту тетрадь, думаю, он перестанет валять дурака, и поймёт, наконец, как всё серьёзно. Я не хочу, чтобы его или Синдри нашли однажды с распоротым животом.

- Англичанина я была бы рада найти в таком виде, - вполголоса сказала Евфимия.

Алва мрачно улыбнулась.

- И как назло этот человек переживёт всех нас на этом острове.

Евфимия перекрестилась.

- Значит надо найти это «дитя», пока она не убила нас, - сурово сказала она, и встала.

Когда Бартал вернулся, Алва рассказала ему об отце Фолкоре и показала его тетрадь. Хмурый мужчина перелистнул её, не давая себе труда хоть что-то прочесть, и наотрез отказался ехать в Торсхавн и привозить полицию снова. Он захотел убедиться своими глазами, что не зря потратит время и забросит свои дела.

Прихватив Ингольфа и Евфимию, Алва проводила его к пещере. Однако, когда они добрались до места, освещённого в прошлый раз свечами, тела отца Фолкора они не нашли – камень, служивший алтарём или столом, был пуст.

- Ну вот, что я говорил? – раздражённо вопрошал Бартал мрачную жену и удивлённого Ингольфа. – Отец Фолкор жив и находится где-то на острове.

- По-твоему, все мы не могли отличить покойника от живого? – взорвалась всегда флегматичная Алва. – Герда его осматривала, мальчишка Асвальд его ощупал, да и остальные тоже! Все желали убедиться, что это не обман зрения. Или ты считаешь, что отец Фолкор шутки ради прикинулся холодным трупом, чтобы нас разыграть? А потом исчез, чтобы разыграть тебя? Заставь уже работать свои

мозги, если они у тебя ещё есть, и подумай: два зверски убитых человека, пропавшие овцы, мёртвый отец Фолкор и его исчезнувший труп… Неужели, кроме глупостей, тебе ничего не приходит в голову?

Это была самая длинная и эмоциональная речь Алвы за всю семейную жизнь Бартала Дьюрхуса. И он, открыв рот от удивления, смотрел на свою жену. А Алва, выплеснув на него своё недовольство, мрачно замолчала.

Он растерянно посмотрел на Евфимию и Ингольфа. Мрачность их лиц подсказала ему, что они согласны с Алвой. Он хотел было что-то ответить, но Ингольф остановил его.

- Твоя жена права, Бартал. Здесь творится какая-то чертовщина. Отец Фолкор в самом деле был мёртв и уйти от сюда своими ногами не мог. Что он здесь делал и кого держал – с этим пусть разбираются власти…

- Да кто сюда поедет? – махнул рукой Бартал. – Кому надо разбираться с исчезнувшими покойниками на краю света?

- Что бы ты там ни думал, но самим нам не справиться, - произнесла Евфимия. – Мы даже не знаем, с чем имеем дело.

- Не вы ли меня обе убеждали, что это обычная слабоумная женщина? – воскликнул Бартал.

- Ты не слушал, что я тебе говорила, - произнесла Алва. – Я тебе даже дала прочесть его тетрадь, чтобы ты сам убедился. Но ты не стал этого делать. – Она помолчала. - Герда права, мы не знаем, с чем имеем дело. Тетрадь мы нашли только одну, и ещё толком её не читали. А, судя по этим записям, эта женщина находится здесь не один год. И что с ней такое, что она ворует овец и не может долго жить без отца Фолкора, мы не знаем.

- Так прочитайте его треклятую тетрадь! – взорвался Бартал. Он был весьма удивлён, что его обычно молчаливая жена сейчас так разговорилась. Уж лучше бы молчала, чем указывать ему на его недостатки и глупость.

- Мы это сделаем, - невозмутимо сказала Алва. – Если ты не хочешь плыть в Торсхавн, туда поплыву я.

- Ты ещё бог знает, что придумаешь, - поворчал Бартал.

Он замолчал. Молчали и его спутники.

- Вот что, - сказал, наконец, Ингольф. – Мы с ребятами обыщем пещеры острова, как сможем, а ты отправляйся в столицу…

- И что я там скажу? – заупрямился Бартал. – Что на Стоура-Дуймун бродит покойник со своей слабоумной дочерью? А вы её видели? Я – нет. Я и покойника не видел. Так что, никуда я не поеду. И не надейтесь.

Он развернулся и решительно направился к выходу. Вскоре он пропал из вида в полумраке коридоров.

- Видимо, Алва, в столицу действительно придётся сплавать тебе, - произнёс Ингольф, глядя ему вслед.

- Что за упрямый осёл! – вздохнула Евфимия.

- Ну, его тоже понять можно: он не видел того, что видели мы, и не читал тетради, которую прочитали мы.

- Мы только начали её читать, - буркнула Алва.

- Тогда прочтите её от начала и до конца, как предложил твой муж, - сказал Ингольф. – Должны же мы знать, с чем столкнулись. А я пока позову рыбаков с островов, и мы обыщем пещеры, насколько сможем. А ты, тем временем, сплавай в столицу. Постарайся убедить власти, что здесь не мифические русалки убивают людей, а реальные покойники появляются и исчезают, благодаря чьему-то злому умыслу. Если власти не захотят искать труп отца Фолкора, то, думаю, церковников это заинтересует: он же один из них.

Алва кивнула, и вся троица медленно направилась к выходу из пещеры.

Когда до мистера Смита стали доходить слухи о том, что найден труп отца Фолкора, он ощутил беспокойство. Нет, его преступная совесть не терзала его за совершённое деяние. Однако то, что труп был найден в какой-то пещере, хотя сам он оставил его на берегу на камнях, могло говорить о том, что его кто-то туда принёс. А значит этот кто-то мог видеть, как отец Фолкор на камнях очутился. Или отец Фолкор был ещё жив, когда он бросил его умирать. Но на другой день из возмущённых восклицаний Бартала Дьюрхуса он узнал, что труп необъяснимым образом из пещеры исчез. Это разожгло в нём любопытство, и ночью, когда его хозяева ушли к себе в комнаты, он потихоньку вышел из «господского дома» и направился к пещере, про которую второй день говорила маленькая община всего острова.

Оглядываясь по сторонам, страшась собственной тени, он хотел всё проверить сам. Но, оказавшись внутри пещеры, понял, каким был дураком: если тело из пещеры исчезло, ему там делать нечего. А сейчас – тем более: темно, он один. Ещё заблудится здесь. Искать его никто не будет: Алва это ясно дала ему понять. А всё его чёртово упрямство и жажда острых ощущений. Дурак, трижды дурак! Надо было дождаться утра. Тогда бы и лазил по тёмным мрачным мокрым пещерам.

Он повернул к выходу, не пройдя внутри и десятка шагов, как вдруг услышал заунывное пение. Стараясь не шуметь, он медленно добрался до камней, за которыми видел плеск тёмных волн, и осторожно выглянул. Сначала он не заметил ничего. Но, присмотревшись, он увидел какую-то фигуру на большом валуне, которая что-то мычала. Он понаблюдал за ней: фигура держала что-то в руках и медленно поглаживала. Осторожно ступая по скрипящему под ногами песку, мистер Смит подкрался к фигуре. В неверном свете луны его взгляду предстала женщина, одетая в потрёпанное и грязное пальто. Её ноги скрывала длинная чёрная дырявая юбка. Сама женщина могла бы быть красивой, если бы не странное выражение её лица и отсутствующий взгляд. В руках она держала какой-то ком из тряпок, а сами руки были испачканы чем-то тёмным. Вдруг женщина повернула своё лицо к мистеру Смиту и спросила:

- Ты тоже хочешь поговорить с моим отцом? – и протянула ему тряпичный ком.

Мистер Смит от неожиданности остановился. Затем машинально взял в руки кучу тряпок.

- Я его закутала, - сказала женщина. – Иначе он замёрзнет.

Мистер Смит перевёл взгляд на то, что было у него в руках. Медленно развернув тряпки, покрытые тёмными пятнами, он чуть было не закричал: на него смотрело покрытое пятнами разложения лицо отца Фолкора. Мистер Смит диким взглядом посмотрел на женщину. Но та была безмятежна, чему-то улыбалась, глядя на тёмные волны.

- Раньше он со мной разговаривал, - несколько обиженно сказала она, посмотрев на свёрток в руках мистера Смита. – Но недавно перестал. Я хотела его разбудить. Но он не просыпался. А потом стал таким холодным. – Женщина поёжилась. – Почему он всё время спит? – Она вдруг разъярилась и резко повернулась к мистеру Смиту. Того поразила нечеловеческая злоба, отразившаяся у неё на лице. Мистер Смит отшатнулся. Вспышка дикой ярости как накатила на женщину, так и столь же быстро прошла. Она с любопытством посмотрела на мистера Смита. – А ты мне принёс поесть? – Женщина облизнула

губы. – Я очень люблю, когда приходит отец – всегда приносит мне что-то вкусное. А что принёс ты? – Она с любопытством наклонилась чуть не к самому лицу мистера Смита.

- Я… я ничего не принёс, - растерянно сказал мистер Смит, медленно и осторожно кладя голову отца Фолкора около камня, на котором сидела странная женщина.

- Не принёс? – Женщина в бешенстве хотела схватить его, но мистер Смит вовремя отпрянул. – Тогда зачем ты пришёл? – закричала женщина. – Я хочу есть! Есть!

Она шлепнулась с камня, и мистер Смит с удивлением и ужасом увидел, как она какими-то дикими скачками, опираясь на руки, по-тюленьи поползла к нему. Медленно отступая, он повернулся и бросился бежать по берегу в темноту. Сзади он слышал шлёпающие звуки. Но вскоре они затихли.

Мистер Смит добежал до пологого склона и остановился отдышаться. Посветив назад фонарём, он не увидел странной женщины. Однако ужас, пережитый им только что, вытеснил из его головы всю злобу на Алву и Евфимию. У него остался только первобытный страх перед неведомым. Почему эта женщина не ходит на двух ногах, как положено, а ползает, как тюлень? Почему о ней на острове никому не известно? А может известно? Может, она и есть та русалка, вокруг которой местные островитяне организовали заговор молчания? Тогда почему она назвала отца Фолкора своим отцом? Откуда у неё его голова? Да и вообще, что эта безумная делает на острове?

Мистер Смит постепенно успокаивался. А, успокоившись, начал связно думать. Видимо, отец Фолкор когда-то нарушил целибат и согрешил с женщиной, родившей ему неполноценного ребёнка. У него духу не хватило отправить её в сумасшедший дом. А может мать воспротивилась. В любом случае, ребёнок остался жив и на руках у отца Фолкора. А тот не придумал ничего лучше, как увезти её на край света и бросить в пещере. Его приезды сюда – это, чтобы убедиться, что его дочь всё ещё жива. Мистер Смит злобно улыбнулся. И после такого католические попы осуждают чужие грехи и призывают к чистоте веры и покаянию? Ничтожные людишки! Да они не имеют никакого права говорить от имени бога! И прав он был, когда сбросил его со скалы – подобные лицемеры не должны смущать души людей своими лживыми речами! Жаль, их всех нельзя скопом бросить на камни: мир был бы чище без религиозного вранья.

Окончательно успокоившись, мистер Смит направился к «господскому дому». Он ничего не скажет об этой помешанной. Ведь, в конце концов, с ним тоже никто

не делился событиями на острове. Он просто случайно подслушал. Ну так и он не обязан ничего никому говорить.

С этой мыслью, вполне довольный собой, мистер Смит спокойно улегся спать.

А в это время на галечном берегу безумная женщина в ярости рвала грудную клетку молодого человека. Мёртвые глаза Асвальда удивлённо смотрели на равнодушные звёзды. Из-под его головы растекалось кровавое пятно, пачкая камни и впитываясь в песок между ними. А безумная женщина с короткими плохо стриженными волосами, довольно улыбаясь, держала в одной руке истекающую кровью блестящую в свете луны часть тела, а другой любовно поглаживала ком тряпок рядом.

- Я помню, отец, что лёгкие и печень дают ноги. И очень скоро я смогу ходить. Ты будешь гордиться мной, отец, - произнесла она и поцеловала ком тряпок окровавленными губами. Затем она вонзила зубы в плоть, которую держала в руке, и со смаком начала жевать. – Скоро. Очень скоро, - произнесла она, вытирая рукой подбородок.

- Какого чёрта этот идиот остался на острове? – бушевал Бартал Дьюрхус на следующий день, стоя в обществе Алвы, Евфимии, Ингольфа и своего сына с мистером Смитом в отдалении над распотрошёнными останками юного Асвальда. – Он давно должен был отплыть на свой Скувой! Что я теперь скажу его матери?

- Скажи, что ты – упрямый осёл, который не видит дальше своего носа, - буркнула Алва. А, получив яростный взгляд Бартала, продолжила: - Тебя предупреждали. А ты, видите ли, захотел покойников на острове увидеть. Наслаждайся. Может, теперь ты в Торсхавн поплывёшь? Или тебе непременно отца Фолкора подавай? И вообще, имей уважение – Асвальд умер, а ты его поносишь, да ещё над его непогребёнными останками.

- Замолчи, женщина! – накинулся на неё Бартал. – Я сам знаю, что мне делать!

- Так делай. – Алва безразлично пожала плечами. – Делай. А не жди, пока нас всех перебьют.

Бартал хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой и пошёл по берегу, опустив плечи. Мистер Смит, стоя в стороне, наслаждался этой перепалкой. Неизвестно почему, но его радовало, что эту наглую бабёнку, Алву Дьюрхус, поставили на место. И пусть последнее слово осталось за ней – Бартал указал ей её место.

Мистер Смит удовлетворённо улыбнулся, глядя на неё. Алва перехватила его взгляд, поджала губы и что-то шепнула стоявшей рядом Евфимии. Та кивнула.

Бартал с понурыми плечами и Ингольф с поджатыми губами пошли по берегу. Поколебавшись, Алва и Синдри пошли за ними. Евфимия подошла к мистеру Смиту, с усмешкой глядевшему вслед уходящим.

- Вы же её видели, - сказала она, без страха глядя на мистера Смита. В её голосе не было вопроса. Она пронзительно смотрела на него, не отводя глаз.

Тот посмотрел на неё и вздрогнул.

- Кого?

- Не играйте, мистер Смит, - настойчиво говорила Евфимия. – Вы видели ту женщину, которую отец Фолкор прятал на острове. И вы знаете, что это она убила Асвальда.

- Ничего я не знаю! – грубо воскликнул мистер Смит, отшатываясь от неё. – Никого я не видел!

- Вы лжёте, - спокойно сказала Евфимия. – Вы её видели.

Мистер Смит посмотрел на Евфимию.

- Ну и что, если видел? – ухмыльнувшись, сказал он. – Тебе-то что?

- Что она вам сказала? – не обращая внимания на грубость, спросила Евфимия.

- Ничего, что тебе было бы интересно. – Он с издевкой смотрел на неё.

- Вы не понимаете, мистер Смит? – Евфимия серьёзно смотрела на него. – Смерти начались с вашим приездом.

- И что?

- А то, либо вы убили всех этих людей, либо сделали что-то такое, что сподвигло других их убивать. И в том, и в другом случае вы виновны. И меня бы очень порадовало, если бы вас в кандалах увезли с острова. А вас?

Мистер Смит задумался.

- Я расскажу, что знаю. Но не тебе. Тебе я вообще ничего говорить не обязан.

- Как вы хотите, - спокойно сказала Евфимия. Помолчав, она добавила: - Как-то вы лицемерно вопрошали: за что бог лишил вас жены и ребёнка? А он просто

взял их в лучший мир. От вас подальше. А вам намекнул. Но вы его намёка не поняли. Вы предпочитаете губить свою душу всё больше и больше. Что ж, каждый волен выбирать свой путь в жизни. И вы – не исключение.

- Вот именно! – подхватил мистер Смит с пафосом. – И не тебе мне читать проповеди! Не тебе, и не тому ничтожному попу, которого я!..

- Которого вы?.. – спокойно спросила Евфимия. – Которого вы – что? Убили? Оставили умирать без помощи? – Она сверлила его внимательным взглядом. – Так что же?

- Ничего, - грубо буркнул мистер Смит и повернулся к ней спиной. С какой стати он будет давать отчёт в своих действиях какой-то крестьянке?

Евфимия ещё немного подождала, но, видя, что ответа не будет, сказала в спину мистера Смита:

- Это заблуждение. Ничего – это самообман. И вам воздастся. За всё. Жаль только, что это не последняя смерть на острове.

Мистер Смит стремительно развернулся, но Евфимия уже спокойно удалялась от него. В три прыжка нагнав её, он схватил её за плечо и резко развернул к себе.

- Что ты сказала? – прокричал он, впиваясь глазами в её глаза, а рукой – в её плечо, делая ей больно. Евфимия поморщилась. – Не последняя? Кто ещё умрёт? – Он схватил её за плечи обеими руками. – Говори! – кричал он, тряся её.

Спокойно, без тени испуга высвободившись из его тисков, Евфимия ответила:

- Что я хотела сказать – я сказала. Остальное будет сказано не мной. И не вам. А всем нам самой жизнью.

И, спокойно повернувшись, она пошла своей дорогой. Мистер Смит в бешенстве смотрел ей вслед, не заметив сурового взгляда Алвы в отдалении.

Спустя несколько дней к острову причалили лодки с полицейскими и недовольным Ингваром Смитссоном. За это время Алва и Евфимия прочитали тетради отца Фолкора. Их было немного. И о таинственной женщине там говорилось от случая к случаю. В основном это были мысли одинокого человека, отягощённого виной за нарушение целибата и соблазнением замужней женщины. Имени её священник не называл, но по печали, которой были проникнуты все его воспоминания о ней, по тоске и боли, а также по

встретившимся словам «уход в лучший мир», применительно к этой женщине, Евфимия сделала вывод, что та умерла. Зачем и почему отец Фолкор привёз на остров ребёнка, тетради не поясняли. Но, читая их, женщины решили, что, помимо душевной болезни женщина страдала каким-то физическим недостатком. И отец, чтобы избавить её от жестокости окружающих, увёз её туда, где её мало кто увидит. Не слишком хороший выход, но, видимо, другого не было.

Все тетради, а также вещи отца Фолкора Алва передала Ингвару Смитссону, кратко озвучив содержание написанного. Тот недоверчиво хмыкал, но прочитал те места, которые касались таинственной женщины. Потом допросил старика Ингольфа и тех мужчин, что обследовали пещеру. Мистер Смит сам вызвался поговорить с полицейским, когда тот закончил с фарерцами. Они заперлись и беседовали около получаса, пока остальные обшаривали остров. О чём они говорили никто так и не узнал, но после беседы Ингвар Смитссон распорядился оставить своих людей на острове в «господском доме», а сам уплыл в Торсхавн за подкреплением. Изловить столь хитрую калеку на таком маленьком острове, которую долгое время никто даже не видел, представлялось делом серьёзным, и Ингвар Смитссон хотел иметь в запасе гораздо больше людей, чем десяток полицейских, привыкших только пьяниц из таверн выводить. Тут требовались более опытные люди, причём, во всех смыслах. Перед отплытием он не исключал, что свяжется с Данией, а, если понадобится, то попросит помощи у Лондона.

А мистер Смит с горящими глазами, запершись у себя, перечитывал старую, местами вытертую бумагу. Написанная на фарерском языке, она будто бы специально для него была переведена на английский. И яркие чернила на старой бумаге хорошо читались, сплетаясь в невообразимое повествование. Эту бумагу мистер Смит заметил на столе в каморке, выделенной для допросов Ингвару Смитссону Барталом Дьюрхусом. Очевидно, она выпала из одной из тетрадей отца Фолкора, и осталась незамеченной полицейским. Мистер Смит очень хотел почитать откровения святоши, в особенности то, что касается его дочери. Но Ингвар Смитссон на всём протяжении разговора даже не раскрывал эти тетради. Оскорблённый в своих чувствах мистер Смит – как же, ведь он чуть ли не на блюде преподнёс им разгадку жутких преступлений, когда описал свою встречу со странной сумасшедшей женщиной, - поддавшись желанию сотворить пакость, он стащил со стола старую, пожелтевшую, местами рваную бумагу, когда молодой полицейский отвернулся. И теперь он вчитывался в строки, неизвестно кем, когда и для чего написанные. Идя вслед за чужой фантазией, он

вновь напитывал свою душу злобой и ненавистью, и вновь мечтал, как заставит склониться перед его волей двух наглых крестьянок, посмевших бросить ему вызов. Он ещё увидит их на коленях, молящими о пощаде. Он ещё восторжествует над ними!

Отвлёкшись от своих ярких мечтаний, мистер Смит снова углубился в чтение старой бумаги.

Сначала земля была одной большой сушей, окружённой Морем. Не было островов, не было проливов. Острова Британии, Оркнейские, Шетландские, Ирландии, Фарерские, Исландии и Гренландии были одним целым. По этой суше текли реки, на ней зеленели поля и цвели цветы, росли исполинские деревья и ходили огромные животные. Тогда под землёй жили хмурые тролли, на земле обитали люди, которые касались головами небес, в горах жили хитрые и трудолюбивые гномы, в реках обитали ундины, в небесах – таинственные и прекрасные альвы. Все были в мире и помогали друг другу. Их место было чётко определено: тролли не ходили в горы, альвы не плавали в воде, люди не спускались под землю. Всем хватало места, и не было повода для ненависти.

Но однажды рассеянный гном, добывая в горах гранит для жилищ людей, упал так глубоко, что не смог выбраться. Чем больше он карабкался вверх, тем глубже падал, пока, не сорвавшись, не упал, разрушив подземные строения троллей и не убил нескольких из них. Сам он погиб, но тролли вдруг возмутились: они всё время живут под землёй, не видя ничего, кроме камней и тоннелей в ней, их тела уродливы и скрючены постоянной работой, а гномы живут в горах, дышат свежим воздухом и видят траву, небо и солнце. Их стан строен, гибок и красив. В ответ на это гномы возмутились, что они живут в каменных жилищах, а люди – на просторе, не ютятся в горных пещерах, могут питаться не только горным мхом. И люди возмутились, что они не могут, как альвы, летать, где вздумается, видеть дальше страны, где родились, ходить по облакам и читать мысли живых существ. Безмятежные альвы не возмущались ничему: они жили в вышине и наблюдали за всем с высоты, подобно богам. Однако внизу стало нарастать недовольство: все стали завидовать всем. Вместо того, чтобы удобрять почву и выращивать разные растения в помощь гномам и троллям, люди стали сливать нечистоты в Море, и ундины тоже были возмущены. И разразилась война всех против всех.

Проходили годы, десятилетия, века, уже забылось, из-за чего началась эта война. Боги ждали, пока в этом мире все образумятся, но конца не было. Тогда они стали спорить, как всё это прекратить. Они перемешали людей и гномов,

ундин и троллей. Гномы стали рождаться сильными и высокими, люди мельчали, тролли и ундины породили морских чудовищ. Стало ещё хуже. Теперь люди боролись с людьми, гномы с гномами, тролли с троллями, а ундины воевали против всех. На земле наступил ещё больший хаос, чем до вмешательства богов.

Наконец разозлённые боги швырнули вниз звёзды, которые раскололи сушу. В некоторых местах от удара суша ушла под воду, оставив одни вершины в виде островов. Погибали люди, ундины, гномы спрятались в горах, тролли ушли глубже под землю. Но война не закончилась. Сильна была ненависть, крепка зависть к чужим удачам и всепоглощающе было желание занять чужое, лучшее место. Одни альвы оставались безмятежны. Они были настолько уверены, что не боялись ундин, которые стали захватывать их, пытаясь приобрести их силу и мудрость. Но от их союзов стали рождаться драконы. Люди ловили гномов, чтобы получить их богатства. Но стали рождаться гоблины – уродливые существа с телами людей. Сами люди всё более измельчали и потеряли доверие к гномам, троллям, ундинам и альвам. Однако они приспособились к гневу богов и сумели истребить почти всех гномов, троллей и ундин. Оставшиеся тролли стали выходить из-под земли раз в год и вредить людям, гномы оберегали свои горы, сбрасывая на ступивших к ним камнепады и лавины. А ундины ушли в далёкие моря, изредка появляясь у берегов, чтобы топить корабли. Когда однажды гномы взяли в плен ундин, они породили русалок – людей с рыбьим хвостом вместо ног, которые не могли дышать на суше. Со временем ундины почти совсем исчезли, а русалки нашли способ, как выжить на суше: лишившись рыбьих хвостов и обретя ноги, они нападали на молодых и сильных людей, чтобы съедать их лёгкие, сердце и печень. Это помогало им дышать на суше. За что люди ополчились на всё племя русалок. Такие русалки стали называться драугры, потому что обычные русалки были трусливы и глупы и не лишились хвоста. Они боялись не только напасть на человека, но и просто подплыть к берегу. Та война закончилась победой людей. Но гномы, тролли, ундины и альвы не исчезли и продолжали вредить людям, как могли. То здесь, то там рождались чудовища от союзов разных сущностей.

Наконец у богов кончилось терпение, и они решили очистить землю от всех и вся. Они наслали смерчи, ураганы, огненные камни, проливные дожди и гигантские волны. И от всей суши остались одни острова. Острова, где находились люди, уцелевшие от гнева богов, а так же редкие гномы и тролли, спрятавшиеся вреди холмов и камней.

Оставшись на время одни на земле, люди забыли про свои разногласия и попытались жить в мире. Но века войн наложили свою тень: люди презирали гномов и троллей и старались всячески от них оградиться. Уцелевшие гномы и

тролли объединились в стремлении отвоевать себе место под солнцем. Они были недовольны, что людям снова удалось получить лучшее место для жизни: земля с сочной травой, озёра с чистой водой и животных, которые подчинялись их слову. Не имея знаний альв и мастерства людей, гномы и тролли завидовали, наливаясь злостью. Пока однажды на свет не родилась исполинская женщина-тролль. Она повела своё племя против людей, которые, успокоенные кажущимся миром, стали забывать о коварстве и войнах, предательстве и злобе. На редких оставшихся клочках суши снова началась война. На этот раз за землю. Теперь к богам обратились альвы, чью безмятежную жизнь наверху постоянно сотрясали крики и суета внизу, а кристальный воздух небес пропитывался гарью от погребальных костров и сгоревших жилищ. И боги решили наказать исполинскую отступницу. Они перенесли её далеко в море и бросили на дно. Но ундины, которые ещё оставались на свете, стали помогать ей подняться из глубин. Однако драугры, зная, что без людей они не смогут существовать, а если исполинская женщина-тролль выживет, то её племя истребит людей, стали держать её за ноги и не давать подняться. Долго длилось противостояние ундин и драугр, никто не мог победить. Долгие годы проклинала исполинская женщина-тролль из водных глубин небеса, долгие годы грозила она им кулаком, пока наконец не лишили боги её голоса, превратив в камень её тело. Так она и застыла посреди моря с негодующим перстом, который предрекал богам предупреждение и забвение. «Помните! – напоследок кричала она, пока у неё ещё был голос. – Как забыли моё имя, имя той, кто хотела освободить от рабства свой народ, так и вы будете забыты! Вы уйдёте в небытие – всё равно, что умрёте! Помните!». А ундины, оплакивая её, окутали её закаменевшее тело своими слезами, оставив на поверхности только её одинокий палец как укор богам и напоминание людям. Оставшиеся на островах гномы и тролли, вымерли, ундины и драугры исчезли, альвы ушли в свою недосягаемую высоту. Только люди, благодаря своему упрямству и труду, остались жить, цепляясь за эти острова как за свой единственный дом.

Закончив чтение, мистер Смит нахмурился. Значит, вот что значат легенды о русалках? И здешние островитяне в это верят? Верят и боятся? Верят, боятся и молчат? Какая чушь! Но тут он вспомнил о женщине на берегу. Она не побежала за ним, когда он, обуреваемый страхом, бросился от неё. Нет, она шлёпнулась на гальку, и как тюлень поползла за ним. Нет, конечно у неё нет рыбьего хвоста вместо ног. Её ноги просто могли быть парализованы, а сумасшествие в её голове заставило считать себя русалкой. От сюда и постоянный голод: как инвалид она не могла прокормить себя. Но кто отрезал голову попу и зачем? И кто так растерзал тела датчанки и Асвальда и того, другого, на Скувое? А,

главное, зачем?

Мистер Смит поискал глазами текст и наткнулся на место, где драугры обретали ноги и могли дышать на суше. Чтобы это стало возможным, драугры съедали лёгкие и печень молодых людей. Вот почему тела умерших были так изуродованы и там отсутствовали лёгкие и печень. Сумасшедшая, видимо, крала ещё и сердце, чтобы приобрести силу покойников. На диких островах Тихого океана ещё встречаются племена, поедающие мозг врага, чтобы получить его мудрость, сердце – чтобы приобрести доблесть, ноги – быстроту, руки – силу и так далее. Но, чтобы подобное было здесь? Впрочем, женщина сумасшедшая, острова, где она обитает, - на краю света, чему удивляться?

Мистер Смит отложил ветхие листы. Нет, он никому ничего не скажет. От него таили такую историю, подвергая опасности, что он не обязан выкладывать свои умозаключения. Эта чёртова «старуха Герда» сказала, что смерти на острове ещё будут. Ну и хорошо. Глядишь, он сможет увидеть, как они умрут и насладится зрелищем их изуродованных трупов.

С этой мыслью он неторопливо спрятал старую бумагу в свой бумажник. Как хорошо, что он остался здесь! А он ещё жалел и хотел уплыть. Нет, всё самое интересное только начинается, и он ничего не упустит. Надо только на ночь крепче запирать дверь, а днём не ходить одному по острову. Чёрт возьми, как всё хорошо складывается!

И он тихонько засмеялся злым смехом.

Следующие несколько дней в ожидании Ингвара Смитссона и его подкрепления не ознаменовались сколь-нибудь значительными событиями. Нашёлся полицейский, чьи останки уже ожидали найти растерзанными на берегу. Он всего-навсего заблудился в одной из пещер, когда обследовал остров. Но куда-то подевался совсем молоденький полицейский, который с напарником отправился его искать. Несмотря на все усилия, его не могли найти, хотя его напарнику не могло прийти в голову, куда он подевался, поскольку практически всё время они были вместе и не теряли друг друга из вида. Алва мрачно посматривала на Бартала, который за многословием и бравадой пытался скрыть свою тревогу и беспокойство. А Евфимия, увидев мистера Смита, спокойно, как будто только что они беседовали о погоде, сказала:

- Вот вам ещё одна смерть на острове.

Мистер Смит, уже обрётший было благостное состояние души, всполошился:

- Как? Что? Откуда ты знаешь?

Но Евфимия не обратила на него внимания. Она лишь пронзительно посмотрела в его перекошенное гневом лицо и пошла своей дорогой. Он не стал её преследовать. Ну её к чёрту с её пророчествами!

Полицейские не слишком усердно искали своего коллегу. Они с недоверием относились к словам Алвы и Евфимии и мрачным сетованиям Ингольфа, считая их сказками. Поскольку в пещерах нашёлся один их коллега, они решили, что молодой полицейский тоже где-то заблудился, и скоро объявится. Но проходили дни, а он не появлялся. Оставленный за старшего полицейский в один из дней собрал всех и во главе с Ингольфом отправился прочёсывать пещеры. Этот рейд не принёс результатов: молодой человек как будто растворился. Мистер Смит был недоволен, хотя внешне и проявлял обеспокоенность, которую от него ждали. Он рассчитывал на вновь кровавое зрелище. К тому же, Алва отправила Синдри к себе домой, чему тот был явно недоволен. Но тут Бартал неожиданно поддержал жену, настаивая на отъезде сына. Что им двигало – страх смерти единственного ребёнка или расчёт, что придёт в упадок его хозяйство от пребывания на Стоура-Дуймун, было неясно. Но, одолеваемый с двух сторон, недовольно бурча, Синдри уплыл с острова. А спустя две недели вернулся Ингвар Смитссон с датскими сыщиками. Те начали с того, и что конфисковали у него тетради отца Фолкора и чуть не с лупами исследовали пещеру, где видели его труп. Затем один из них с усталым лицом и проницательными глазами долго беседовал с каждым островитянином, не обойдя внимания и мистера Смита. Отличаясь наблюдательностью и умом, он добился от того правдивого ответа о том, что случилось со священником. Хоть мистер Смит и пытался всячески юлить и оправдывать себя, он, в конце концов, рассказал, что отец Фолкор упал со скал на камни. Однако он не знал, остался ли тот жив после этого. Исходя из слов обследовавшей его труп Евфимии, сыщик сделал вывод, что тот всё же прожил какое-то время, возможно, без сознания. Но умер без медицинской помощи. Поскольку труп, когда его нашли, не был тронут разложением, несмотря на то, что прошло достаточно времени. Своих выводов он не сообщил мистеру Смиту. Но тот догадался, и досада охватила его. Он бы предпочёл, чтобы этот святоша умер, будучи в сознании, с пониманием его, мистера Смита, слов и осознавая всю глубину его презрения и ненависти. Но всё получилось не так. Снова Стоура-Дуймун обманул его ожидания. Но он не переставал надеяться – ведь ужасную женщину ещё не нашли.

С появлением огромного для этого острова количества людей жизнь островитян изменилась не особенно. Флегматичные скандинавы не мешали жить друг другу, терпеливо делая свою работу. Бартал Дьюрхус не отвлекался на гостей,

предоставив их самим себе, а гости не досаждали ему. Обеспечением ночлега в не рассчитанном на такое количество людей «господском доме» и пропитания занималась Алва. И если она и была недовольна, то не показывала этого.

После нескольких бесплодных поисков пропавшего полицейского и не особенно усердных таинственной женщины, датские сыщики лишились двоих своих коллег. Когда их поиски не принесли успеха, озадаченный и встревоженный руководитель группы срочно отбыл в Торсхавн, как только море слегка успокоилось, чтобы от туда послать сообщение с просьбой прислать специальных людей с оборудованием, которые умеют искать в пещерах пропавших людей. Пока он отсутствовал, море вынесло из какой-то расселины изуродованное тело, в котором с трудом узнали молоденького фарерского полицейского, которого напарник умудрился прозевать во время рейда по пещерам. Мистер Смит чуть не плясал от радости: ещё одна кровавая жертва для удовлетворения его алчущей зла черной души. Бартал Дьюрхус был взбешён: куда-то стали пропадать овцы. На попытки Алвы объяснить, он лишь отмахивался. Но признать, что его овцы вдруг с сочной травы решили погулять по берегу и как одна срывались с обрыва, он уже не мог: одна, ну, две – ещё куда ни шло. Но их пропало четыре, и искали уже пятую. И это при том, что пас он их сам, внимательно следя, чтобы они не разбредались и не отбивались от стада. Рыбаки на берегу стали ворчать, что рыбы становится меньше, словно её кто-то вылавливает до них, а появившиеся трупики птиц с обглоданными тельцами и сломанными крыльями заставили Бартала Дьюрхуса задуматься над словами жены. Алва за всю их совместную жизнь не отличалась склонностью к фантазиям, розыгрышам или вранью. Это была основательная трудолюбивая женщина без всякой примеси романтизма или легкомыслия, несмотря на своё имя[5]. Какому-то мужу это могло бы показаться скучным, но Бартал нашёл в Алве родственную душу. И эта душа ни разу его не попрекнула тем, что он увёз её из Вестманны – небольшого посёлка на Стреймое – на тихий сонный и малолюдный Стоура-Дуймун. Она умела превосходно готовить и варила лучший в мире эль, была послушной хозяйкой и хорошей матерью. Двое умерших во младенчестве и отрочестве детей если и вызвали у неё какие-то горькие чувства, то Бартал о том не знал. Ему было достаточно своих переживаний и её утешения, которое давала ему она сама. Как и мистер Смит, он не задумывался о том, какие чувства должна была испытывать она, считая, что жена обязана быть помощницей мужа и его утешительницей. Его устраивало всё. До недавних событий. И теперь он не узнавал свою всегда спокойную молчаливую и покорную жену. И это ему не нравилось.

А мистер Смит наслаждался, слыша сквозь стены и двери «господского дома» споры Бартала и Алвы. Он не вмешивался, но, оставаясь с Барталом наедине нередко рассуждал о своеволии женщин, которые в присутствии мужчин обязаны молчать. Бартал с жаром поддерживал его рассуждения, но не мог не признать правоты Алвы. К тому же, её мнение высоко чтил отец Фолкор в своё время, к которому он не мог не испытывать уважения из-за его знаний и сана, и поддерживала «старуха Герда», которая часто бывала права. И спустя какое-то время он уже не так охотно разделял кувшин с элем с мистером Смитом. Чем вызвал у того досаду и насмешки, а также рассуждения о том, как ему, Барталу, живётся под каблуком взбалмошной и глупой жены. Хотя уж в чём-чём, а во взбалмошности обвинить Алву мог только совсем недалёкий человек.

Наконец, однажды выведенный из себя Бартал в несвойственной ему манере резко осадил мистера Смита. На что тот только ухмыльнулся, но затаил злобу. Дальнейшие задушевные контакты с излиянием души или рассказами о прошлом стали невозможны. Бартал был немного смущён своей резкостью, да и поговорить он любил. Но из упрямства и гордости он не стал извиняться перед постояльцем. Алва же невозмутимо встретила такое положение вещей, хотя в душе была рада тому, что этот завистливый человек с чёрной душой оставил её мужа в покое. Если бы не жуткие события на острове, то жизнь бы мало чем отличалась от той, что они вели до приезда мистера Смита.

Через некоторое время вернулся уплывший в Торсхавн руководитель группы датских сыщиков с сообщением о том, что, несмотря на всё недовольство властей, Копенгаген вышлет им специалиста по поискам в пещрах. Власти не верили в русалок и морских чудовищ, но недавно доставленное тело Битты Хансен создало такое возмущение в датской столице, что власти решились пойти на компромисс: выслать на остров не поисковую партию – существующих сыщиков, по их мнению, было предостаточно, - а одного грамотного и сведущего человека, который и организует работу по поиску пропавших. Этим человеком назначили Грира Дугласа, шотландца, чьё имя очень ему подходило[6]. Он не раз разыскивал своих земляков на родине, в горах. Осталось его только дождаться, что в последние дни было весьма проблематично: непрекращающийся дождь и волнение на море не давали надежд на его скорое прибытие. Однако флегматичным скандинавам было привычно как ожидание, так и борьба. С природой ли или с жизненными обстоятельствами. И хотя они были весьма встревожены и озабочены трагическими событиями на острове, прагматизм брал своё: живя на острове среди маленькой группки людей, чей уклад жизни они нарушили, им надо было чем-то питаться и чем-то себя

занимать. Когда одна группа сыщиков и полицейских уставала от блужданий с верёвкой в пещерах острова, входы в которые внезапно находились в самых неожиданных местах, она помогала Барталу пасти овец или чинить крышу. Или править загон, сломанный каким-нибудь боровом. Их место заменяла другая группа. Некоторые сыщики отдыхали, ловя рыбу. И находили этот физический труд гораздо легче интеллектуального, когда им надо было ловить преступников. Привыкшие к сидячей работе, они разминали мышцы, а те, кто привык за преступниками бегать, наслаждались безмятежностью в обществе стада овец и коров и болтовнёй Бартала Дьюрхуса. Все без исключения оценили эль Алвы. А один предприимчивый сыщик предложил ей делать его для продажи в Дании.

Дни текли медленно. Дождь и не собирался прекращаться. Припасы быстро заканчивались, и Бартал мрачнел всё больше.

После того, как пропал шестой полицейский и не появились предыдущие пропавшие, у Бартала Дьюрхуса лопнуло терпение. Не дожидаясь приезда специалистов из Дании, он подначил островитян и оставшихся растерянных датских сыщиков с фарерскими полицейскими завалить камнями входы в пещеры. Его порыв был встречен с вялым энтузиазмом, и камни медленно, но верно и основательно закрыли вход в пещеру, где были найдены останки отца Фолкора. Бартал сам таскал с побережья огромные валуны, отдыхая через каждые пять минут. Алва на это смотрела, скептически поджав губы, но ничего не говорила.

- Пусть они займутся хотя бы этим делом, чем бессмысленно бродить по острову, теряться в пещерах или быть растерзанными той страшной женщиной, - говорила Евфимия Алве. – Чем больше у них заняты руки, тем меньше ненужных мыслей в голове.

- А как же те, которые остались в пещерах? – хмурясь, спрашивала Алва.

- Значит, будут кричать, пока их не услышат, или сами будут искать другой проход, - пожала плечами Евфимия. – Их предупреждали. Так что, сами виноваты.

Слыша эти циничные слова, Алва хмурилась ещё больше.

Через неделю усталый и оборванный был найден на берегу один из пропавших фарерских полицейских. Он нашёл выход из многочисленных пещер, который пропустил Бартал и те, кто эти выходы заделывал. Он был голоден и страдал от

жажды. Что он пил в пещерах, он предпочитал не говорить. Когда ему оказали первую помощь, он начал рассказывать фантастические истории о живущей в недрах острова гигантской женщине с рыбьим хвостом. По его словам, она была прекрасна, голос её был завораживающим, но вместе с тем она была чудовищно жестока: один раз она погналась за ним с намерением вырвать его сердце. Остальные полицейские только качали головами, списывая его россказни на галлюцинации от голода, блужданий в темноте среди каменных стен и обезвоживания. Но Алва и Евфимия, внимательно выслушав его рассказ, от повторения к повторению становившийся всё фантастичнее, и отбросив всё самое невероятное, пытались добиться от него, где именно он видел это чудовище. Но мужчина не мог ответить: он потерял счёт, сколько и каких поворотов и тоннелей он пропустил, пока спасался от неё. Тем более, что всё это происходило не на открытом пространстве и свежем воздухе, где можно было бы найти ориентир, в крайнем случае, холм, с которого можно обозреть местность. Осознав бесплодность своих усилий, женщины оставили его в покое. А Бартал, вдохновлённый тем, что нашёлся очередной пропавший, с ещё большим энтузиазмом стал заделывать дыры в скалах. Однако желающих помогать ему становилось всё меньше. И со временем катать камни по острову Бартал стал один. Это его не обескуражило. Наоборот, чем тяжелее ему становилось, тем упорнее он продолжал свои дела. Алва ничего не говорила, хотя считала его действия бессмысленными. Конечно, Стоура-Дуймун не Кальсой, который за обилие тоннелей фарерцы прозвали Флют (флейта), но пещер тоже хватало. И все их всё равно не заделаешь. Однако она была рада, что Бартал отвлёкся от пересчитывания овец и возмущений по поводу того, что которую неделю кормит толпу дармоедов, поскольку, благодаря этим самым дармоедам он успел перестелить и починить крышу, сделать новый курятник и остричь овец. Не все были рады подобной работе, но деваться было некуда: на острове нечем было заняться. Да ещё непрекращающийся дождь, который сводил с ума.

Мистер Смит, изнывавший от безделья, приходил в бешенство как от погоды, так и от трудолюбия скандинавов. Он вдруг почувствовал себя ненужным и обременительным. Что его бесило ещё больше. Он пытался подстерегать Евфимию, чтобы пугать, дразнить и всячески издеваться над ней, но каждый раз получал отпор. А однажды, когда он заявился в её дом, она как бы нечаянно пролила на его пальто какую-то жидкость, от которой его пальто задымилось. Невозмутимо попросив у него прощения, она как бы невзначай сказала, что, если бы эта жидкость попала на кожу, был бы ожог. Мистер Смит едва не задушил её тогда от ярости. Но она как раз нарезала какие-то травы, и нож в её руках совсем не понравился мистеру Смиту. Тем более, что убивать человека на острове посреди океана, набитом полицейскими, ему показалось совсем уж

глупо. И он выместил свою ярость на несчастных птицах, швыряя в них камни. Вид трепыхающихся покалеченных телец отчасти привёл его в чувство, что-то смутно напомнив, и он возжелал уйти снова в забой гринд. Но Синдри уехал к своей семье, редкие рыбаки ушли дальше в море по своим делам, полицейские-фарерцы растеряли свои навыки в столице, а сыщики-датчане никогда этих навыков не имели: у них были свои национальные развлечения. Промаявшись несколько недель, мистера Смита осенило: он же может описать здешние события, присовокупив свою фантазию, и по возвращении в Лондон продать газетчикам. А может – кто знает? – ему удастся издать книгу, пойдя стопами Брэма Стокера, придумавшего Дракулу. А он придумает не мистического вампира, а драугра. Хотя, придумывать особо было и нечего: садись и записывай эти ужасы. Утвердившись в этой мысли, он чуть не бегом бросился в свою комнату, и несколько дней жители острова отдыхали от его язвительности, интриг и ненависти. Один из датских сыщиков даже заскучал без него: не с кем было спорить по самым разнообразным поводам. А мистер Смит писал, не прерываясь даже на обед, захваченный вдохновением, которое его не посещало даже во времена его поэтических попыток. В своё повествование он вставил легенду, переписанную с украденной у полицейского бумаги отца Фолкора, добавив ужасов и крови, которых наяву жаждал сам. Репортаж получился впечатляющим, и он уже предвкушал лавры гениального писателя и солидный заработок. Надо только исхитриться остаться в живых и суметь уехать с этого острова, когда всё закончится. Тревога закралась в его душу – его вполне могут обвинить в убийстве священника. Но он тут же успокоил себя: свидетелей не было, улик он никаких не оставил, ибо просто не мог ничего оставить, а показаний против себя он не давал и ни в чём не признался. Ну а что там подумал датский сыщик и о чём он догадался – это к делу не пришьёшь. Так что, он чист. Всё будет хорошо.

И, отогнав тревогу, он с новыми силами кинулся писать, сделав «господский дом» небольшим замком, Алву – злобной его хозяйкой, а Евфимию – черномагической колдуньей. Подумав, он придал отцу Фолкору черты тёмного колдуна, орудующего под прикрытием католической церкви.

Когда через несколько дней он перечитал написанное, он остался очень доволен: хоть так он сумеет отомстить ненавистным ему людям. Хоть так потешит своё тщеславие и зреющую в душе ненависть. Хоть так выместит свою злобу.

Наконец всем надоевший дождь прекратился и, спустя пару дней к острову причалила лодка с очередным пассажиром в сопровождении руководителя датских сыщиков. Незнакомец был высокий крепкий мужчина средних лет с чёрными тронутыми сединой волосами, жёсткими чертами лица и квадратным подбородком. Его серые глаза сверкали сталью из-под сросшихся бровей, а ноздри начинали трепетать, как крылья бабочки, когда он был чем-то недоволен. Он говорил мало, предпочитая молчать и слушать. Он и Алва сразу нашли общий язык, даже не произнеся и пары слов. Грир Дуглас познакомился со всеми, пребывавшими на острове, выслушал их истории, спустился в подвал полюбоваться трупами и ушёл с Барталом к пещерам, которые были заложены камнями.

Поскольку «господский дом» не был рассчитан на такое количество людей, Грир Дуглас расположился у Евфимии, которая отвела ему комнату, где однажды ночевал мистер Смит. В отличие от него, Грир Дуглас был привычен к спартанским условиям и холоду, потому комната недовольства у него не вызвала. Он просто поставил свой мешок в угол и сразу же ушёл с Барталом.

Однако, когда он вернулся вечером, у калитки дома Евфимии его поджидал мистер Смит, желавший поглазеть на новоявленного следопыта. К тому же, тот был шотландцем и, скорее всего, католиком. А Шотландия с Англией всегда не ладили. И мистер Смит хотел испытать своё острословие и язвительность. Однако его ждало жестокое разочарование: шотландец был холоден, суров, молчалив, сложением крупнее мистера Смита и гораздо проницательнее, чем тому хотелось бы. Вдобавок за поясом у него висел массивный охотничий нож, а за плечами – ружьё. Из его редких слов мистер Смит уяснил, что этот человек не так прост и, хотя на острове меньше суток, но вполне разделяет мнение Алвы о его, мистере Смите, личности. Это вызвало очередную вспышку ярости, и он возненавидел его так же, как недавно Бартала Дьюрхуса. Он возмечтал сбросить этого следопыта-выскочку со скал или ударить камнем в тёмных переходах пещер. Однако глаза, сверкавшие сталью, выдававшие внутреннюю силу, постоянно следили за ним, когда он был рядом. И мистер Смит вдруг подумал, а что стоит этому шотландцу или Алве или им обоим вместе скинуть со скалы или ударить в тихом месте камнем его самого? Едва он до этого додумался, как холодный пот покрыл его тело. Он слишком увлёкся собой и уверовал в свою неуязвимость за эти недели безделья. И он в очередной раз оставил свои попытки доводить людей до бешенства, увлёкшись своим сочинительством. В его описании Грир Дуглас оказался очень похож на одного из всадников Апокалипсиса: неумолимый, бессердечный, целеустремлённый и жестокий. Для его описания мистер Смит не пожалел чёрных красок, прибавив тому в росте, ширине плеч, изменив цвет его глаз на угольно-чёрный, а к зубам приделав

устрашающие клыки. Ни дать, ни взять, ужас из кошмаров и монстр из детских сказок.

Довольный своей работой, он отправился гулять по острову в надежде услышать что-то новое.

По прошествии нескольких дней Грир Дуглас организовывал поиски, исследовал пещеры, а некоторые ходы умудрялся даже запечатать. Как и с чем он уходил, мистер Смит так и не сумел подглядеть, но получившаяся, хоть и не полная карта подземных ходов существенно облегчала поиски полицейских. Именно Грир Дуглас выдвинул предположение, когда однажды собрал в «господском доме» вместе с Алвой и Барталом Евфимию, Ингольфа и Ингвара Смитссона. Уставшие полицейские отсыпались после очередного дня хождения под землёй. Мистер Смит, услышав, что внизу собираются люди, вышел из своей комнаты и неслышно остановился в пролёте лестницы, невидимый в полумраке. Инстинктивная неприязнь, которую ему выказывал Грир Дуглас, не способствовала его просвещению в делах острова. Грир Дуглас не рассчитывал на помощь мистера Смита, а значит докладывать ему о своей работе он считал лишним. Мрачно стоя посреди комнаты в окружении редких людей, он вытащил из своего мешка уже знакомые Алве и Ингольфу предметы: тарелку с отбитым краем, треснувшую кружку, грифельную доску, потрёпанные детские книжки, несколько листов с детскими рисунками и рваную женскую юбку и грязную кофту. Он разложил всё это на столе и обвёл взглядом обравшихся.

- Я принёс не всё, что нашёл в ваших пещерах, - сказал он низким голосом. Хоть он говорил негромко, но мистер Смит его хорошо слышал. – В ваших пещерах живёт человек, - продолжал он. – Женщина. По моим наблюдениям, живёт давно, около десяти лет. Поскольку я не нашёл обуви и чулок, я склонен думать, что у неё больные ноги. Может, она парализована… - Мистер Смит вздрогнул: выводы этого мужлана совпадали с мыслями островитян и с его собственными наблюдениями. – Также я обнаружил это. – Грир Дуглас указал на грифельную доску и листы бумаги. – Ни одного письма, ни одной тетради, из книг – только детские сказки. Однако одежда той, что живёт в пещерах, явно недетского размера. – Он кивнул на юбку и кофту. – Значит эта женщина, скорее всего, не в своём уме. Об этом косвенно свидетельствуют слова из дневника padre Фолкора. Видимо, он содержал её здесь, вдали от людей. И без его помощи она окончательно помешалась и стала нападать на людей. Я сумел найти ещё двоих пропавших, и ни описывают одно и то же: прекрасная женщина, которая заманивала их, чтобы убить. От сюда у меня вопрос: что вы намерены делать?

Нужно найти ещё троих. Но каждый день поисков уменьшает шансы найти их живыми. А если первой до них доберётся неизвестная женщина, я вообще не берусь сказать, чем всё кончится. Можно замуровать все входы, но видимо, эта женщина знает и другие, раз за столько времени её никто на острове не видел. Можно продолжить рисовать карту ваших пещер и искать пропавших. А можно попытаться выследить её и поймать. Тогда одной явной опасностью станет меньше.

Он замолчал. Молчали и собравшиеся. Пока он говорил, подошли ещё двое фарерцев, что вместе с Алвой и её сыном нашли тело отца Фолкора. Мистер Смит молчал, затаив дыхание.

Наконец, Ингольф, прокашлявшись, произнёс:

- Искать пропавших необходимо. Также нужно найти тело отца Фолкора, чтобы его можно было по-христиански похоронить. Не дело, если христианин останется без погребения в освящённой земле, а будет валяться как собака… - Окружавшие его мужчины мрачно покивали. – Но и изловить это чудовище необходимо: если она помешанная да ещё без надзора – мы все в опасности… - Мужчины снова закивали.

- Знаете что? – встрял Бартал. – Пусть шотландец продолжает искать, а мы будем следить за островом. Ведь известно, где она появлялась? – Он обвёл глазами присутствующих.

Грир Дуглас развернул потрёпанную карту острова.

- В Мункастоване мне разрешили взять эту карту ваших островов. К сожалению, у монастырских братьев не было поновее. Поэтому придётся пользоваться этими устаревшими сведениями, делая поправки уже на местности.

Он склонился над ветхими листами.

- Я расспрашивал ваших людей, - сказал он. – Они видели её здесь и здесь. – Он указал две точки на карте. – Вы живёте тут. – Он снова ткнул в карту. – А пропавшие овцы паслись тут. – Он обвёл небольшое пространство над картой рукой. – Вход в пещеру, где вы нашли останки padre, здесь. – Он снова ткнул в карту. – Значит следить за ней надо здесь, здесь и здесь. – Он поочерёдно указал точки на карте. – Для этого достаточно двух человек: обходить эту местность и ждать её появления. Это могут сделать и женщины. – Он кивнул на Алву и Евфимию. – А я пока продолжу поиски.

- Что вы предлагаете делать нам? – спросил Ингольф, следя за манипуляциями Грира Дугласа над картой.

- Вам я предлагаю присоединиться ко мне, но не уходить далеко в пещеры: когда женщины обнаружат её, им понадобится помощь в её поимке.

- Я бы даже исключила это место, - произнесла Алва, ткнув в карту. – Бартал там вчера натаскал камней и земли и перекрыл выход.

Бартал энергично кивнул.

- Что ж, тем лучше, - произнёс Грир Дуглас, складывая карту. – Тогда сегодня всем спать, а завтра – за работу.

Он повернулся, чтобы уйти.

- А как быть с англичанином? – хмуро спросил Ингольф.

- А что с ним? – от дверей обернулся Грир Дуглас

- Ты не хочешь привлечь его к нашим делам??

Грир Дуглас отпустил ручку двери, за которую уже было взялся. Он постоял, а потом медленно вернулся к столу. Положив руку на столешницу, он посмотрел на Ингольфа.

- Не нравится мне этот человек, - негромко сказал он. Мистер Смит напряг слух на лестнице, чтобы лучше слышать. – Какой-то он скользкий, фальшивый… Не знаю… Не доверяю я ему.

- А он здесь никому не нравится, - также негромко ответил Ингольф. – Я слышал, будто это он столкнул отца Фолкора с обрыва.

- Padre? – воскликнул Грир Дуглас. Но тут же замолк и нахмурился. – Мерзкая саксонская жаба.

- Потому и спрашиваю: что с ним делать? Не хотелось бы от него получить нож в спину.

- Что ж, придётся кому-то следить за ним.

- А ты не хочешь показать ему свою карту тоннелей? – встрял Бартал.

- Я не нянька для всяких туристов, - вспылил Грир Дуглас. – Датское правительство меня направило сюда искать пропавших полицейских, которые расследовали здесь убийство датчанки. А англичанин этот не слепой и не глухой

– знает, что здесь творится. Если он не дурак, не будет лезть, куда не надо. Я, во всяком случае, ничем ему не обязан, чтобы заботиться о том, пойдёт он шляться по пещерам или нет. Если хочешь, Бартал Дьюрхус, следи за ним сам. А я не собираюсь им забивать себе голову.

- Очень надо! – буркнул насупившийся Бартал. – У меня своих дел полно.

- Тогда не создавай дел другим, - парировал Грир Дуглас. Затем, повернувшись к Ингольфу, сказал: - Я не знаю, что с ним делать. Решайте сами. Мне ещё надо подготовиться к завтрашнему походу.

Он легко шлёпнул ладонью по столешнице и решительно двинулся к выходу. Оставшиеся люди тихо переговаривались между собой. Мистер Смит, поняв, что в какофонии голосов он всё равно ничего не разберёт, неслышно поднялся к себе. Медленно открыв свои записи, он, не торопясь, начал описывать «военный совет», превратив его в шабаш нечистой силы со всеми атрибутами: чёрными плащами с капюшонами, пентаграммами, свечами, заклинаниями и принесением в жертву овцы с ритуальным испитием её крови. Он настолько увлёкся смакованием описания всяких гадостей и непристойностей, что не заметил вошедшей с кувшином воды для рук Алвы. Очнулся и вздрогнул он только тогда, когда она со стуком поставила его на туалетный столик рядом с тазиком для умывания. Бросив на неё убийственный взгляд, он уже хотел было разразиться язвительными ругательствами, но Алва невозмутимо взглянув на заваленный бумагами стол, спокойно произнесла:

- Вижу, вы нашли себе занятие. Очень хорошо.

И, не торопясь, она столь же невозмутимо вышла, оставив мистера Смита с раскрытым ртом и невысказанными ядовитыми замечаниями. Когда за ней закрылась дверь, он пришёл в себя и чуть не поперхнулся от возмущения: «нашёл занятие»? «очень хорошо»? Да что она себе думает?

И, схватившись за карандаш, он тут же поторопился записать свежую мысль. Рассвет застал его лежащим на своих бумагах, раскинув руки на столе. Оплывший огарок свечи лениво испускал тонкий дымок из лужицы парафина.

Следующий день начался для мистера Смита с тишины. Озадаченный, умывшись, он вышел из комнаты и спустился вниз. За столом он заметил молоденького полицейского. Тот, хлюпая покрасневшим носом, прихлёбывал что-то из дымящейся кружки.

- Доброе утро, - натянуто улыбнулся мистер Смит молодому человеку.

Тот, подняв на него слезящиеся глаза, хотел что-то сказать, но громко чихнул. Высморкавшись в огромный носовой платок, он смущённо посмотрел на мистера Смита.

- Прошу прощения, - внос произнёс он. – Доброе утро.

Мистер Смит брезгливо оглядел его, но заставил себя криво улыбнуться. Сдержавшись, он спросил:

- А куда все делись? Почему так тихо?

Молодой человек хлебнул из кружки.

- Мужчин Грир Дуглас повёл в пещеры искать остальных. А старики и те две женщины ходят по холмам – ищут ту чудовищную женщину, что напугала наших.

- А вас, значит, бросили? – усмехнулся мистер Смит. – Вы же простужены.

- Госпожа Дьюрхус сказала, что я не маленький, и сам могу выпить горячего чая с травами. А Старуха Герда сделала мне такой хороший настой, что у меня уже сегодня температура спала. Она сказала, ещё день-два, и я буду здоров.

- День-два! - фыркнул мистер Смит. Он внимательно посмотрел на паренька. – Самое лучшее средство – это морской воздух: он укрепляет организм. Давно вы уже сидите взаперти?

- Второй день, - вздохнул молодой человек.

- Так пойдёмте, прогуляемся, - произнёс мистер Смит. – Солёный воздух вас укрепит и взбодрит. Да и аппетита прибавится: вам надо хорошо питаться, чтобы восстановить силы.

Молодой человек с сомнением посмотрел на него.

- Вам не это пойло нужно, а хороший бифштекс, - нетерпеливо сказал мистер Смит. Его уже начинало раздражать, что приходится уговаривать какого-то желторотого юнца. Одному ходить по острову мистер Смит опасался после встречи лицом к лицу с помешанной женщиной. Но не сидеть же всё время в четырёх стенах, пока её не изловят? А если её не изловят никогда? Нет, он не собирался поселяться на Стоура-Дуймун. Даже в Торсхавн переселяться не собирался. Ему не место среди рыбаков и пастухов. Он решил тут отдохнуть, а не отбывать срок.

Он посмотрел в окно. Свет бледного солнца пробивался сквозь пелену белых туч.

- Посмотрите, какая погода! – произнёс он, махнув рукой на окно. – Это такая редкость на вашем острове. Даже в Англии солнце выходит чаще. – Он помолчал. – Я здесь уже достаточно давно, но солнце вижу в первый раз. Пойдёмте, пройдёмся, – соблазнял он.

Молодой человек колебался. Он ещё мало знал Старуху Герду и совсем не знал мистера Смита. В силу юного возраста он ещё плохо разбирался в людях. Нынешнее утреннее внешнее дружелюбие вызвало у него недоумение – почему этого человека не любят на острове? Он не присутствовал на его допросе и не слышал его увиливаний и самооправданий. Он проникся расположением к этому одинокому англичанину. Заглянув в кружку, на окно, на мистера Смита, он улыбнулся.

- Давайте пройдёмся. – Он чихнул. – Вы правы: надо подышать свежим воздухом. – Он встал.

Еле уловимая брезгливая гримаса появилась на лице у мистера Смита и так же быстро пропала. Молодой человек отставил кружку, взял со спинки стула шарф и замотал шею. Подойдя к двери, он снял с вешалки рядом пальто.

- Пойдёмте.

Мистер Смит, поморщившись, последовал за ним.

Они медленно шли по побережью. Мистер Смит нервно оглядывался, опасаясь увидеть помешанную женщину.

Они уже довольно далеко ушли от того места, где он видел её в прошлый раз, и мистер Смит облегчённо вздохнул. Он более раскованно стал беседовать с молодым полицейским, который всё более проникался к нему расположением.

Вдруг, огибая очередной валун, он резко остановился и побледнел: прямо перед ним на груде камней сидела та самая сумасшедшая, встречи с которой он опасался. Молодой человек тоже увидел её.

- Так это правда, - шёпотом произнёс он. Полицейский осторожно подошёл ближе.

Оглядев женщину, он вдруг замер: из-под длинной юбки выглядывали голые ступни, развёрнутые под немыслимым углом. Ни один человек с нормальными

ногами не смог бы так вывернуть свои ступни, чтобы, соприкасаясь пятками, они образовали прямую линию. Такое под силу только гимнасту или балерине.

- Вы принесли мне поесть? – певуче спросила она, блаженно улыбаясь.

Мистер Смит тоже заметил её ноги. Он стал медленно спиной вперёд отступать. Молодой человек не заметил его манёвра. Он протянул к женщине руку.

- Нет, поесть мы вам не принесли… - Женщина негромко зарычала. – Но я могу вас отвести туда, где вас накормят.

- Я никуда не пойду! – вдруг в ярости вскричала женщина. – Мой отец велел мне оставаться здесь! Я должна здесь остаться! Ещё немного, и я смогу ходить! Ты ничего не понимаешь! Тебя ко мне привёл отец! Ты не можешь противиться своей судьбе! – кричала она, подскакивая на камнях. Молодой полицейский убрал руку и медленно отодвинулся от неё.

Вдруг с дикой яростью женщина взмахнула рукой и что есть силы швырнула юноше в висок камень, зажатый в руке. Молодой человек постоял и медленно стал оседать на прибрежную гальку. Его глаза умирающе смотрели в белое небо, а на лице застыло удивление. Женщина, спрыгнув с камней, нелепо шлёпнулась рядом с ним. В её руке тускло блеснул ржавый нож.

- Спасибо, отец! – заорала она, и вонзилась зубами в горло юноше.

Мистер Смит, успевший отбежать на небольшое расстояние, оглянулся и в ужасе побежал ещё быстрее. Перед глазами его стояла сцена: безумная женщина в тёмной одежде с развевающимися волосами кричала к небу окровавленными губами, а по подбородку её текла кровь. Воздетые окровавленные руки с крючковатыми пальцами воскресили в его памяти детские сказки о злых колдуньях.

Он не заметил, как забрался на холм, и остановился только потому, что задохнулся от бега. Согнувшись, он пытался отдышаться. Оглядевшись, он заметил на противоположном холме массивную фигуру Алвы и рядом хрупкую фигурку Евфимии. Алва в гневе сжала кулаки, её суровое лицо было как будто высечено из скалы, а глаза метали молнии. Она была похожа на одну из тех горгулий парижского собора Нотр-Дам де Пари. Евфимия в ужасе зажала кулаками рот.

- Мистер Смит! – громовым голосом крикнула Алва. Казалось, весь мир замер. Остолбенел и мистер Смит.

На громовой крик Алвы подбежали несколько мужчин. В руках одного из них, Ингольфа, мистер Смит заметил ружьё.

- Стойте на месте! – крикнул он, вскидывая ружьё и целясь в него. – Или, клянусь богом, я пристрелю вас!

Глядя в наставленное ружьё, мистер Смит испугался по-настоящему. Он замер, не сводя взгляда с дула, нацеленного на него, и не заметил, как сбоку к нему тихо подошёл мужчина с верёвкой. Переводя взгляд с него на Ингольфа с ружьём, он, как зачарованный, позволил себя связать.

Заметив, что мистер Смит связан по рукам и ногам, Евфимия крикнула, указывая вниз:

- Она там! Мы не успели спасти его! Поспешите, пока она не улизнула!

Мужчины оставили связанного мистера Смита на холме и бросились туда, куда указывала Евфимия. А она, развернувшись, сбежала с холма.

- Ты куда? - закричала ей в спину Алва.

- За Дугласом! – ответила на бегу Евфимия.

Алва ещё некоторое время смотрела ей вслед, затем поспешила за мужчинами.

Подбегая к месту, где мистер Смит и молодой полицейский видели помешанную женщину, Ингольф увидел всклокоченное чудовище в тёмном одеянии, склонившееся над кучей чёрного тряпья. Чудовище жадно чавкало что-то, погрузив лицо в ладони. Между её пальцев текла кровь. В ужасе Ингольф остановился. Заметив его, женщина подняла голову.

- Мой отец привёл вас всех ко мне! – вскричала она. – Сегодня великий день! Вы отдадите мне всё, что у вас внутри, чтобы я могла ходить по земле! Спасибо, отец! – Она вскинула вверх окровавленную руку. Другой она метнула в Ингольфа камень. Очнувшись от её движения, он выстрелил. Выстрелил и кто-то рядом с ним. Женщина пошатнулась. Она подняла изумлённое лицо к небу.

- Или, Или! Лама савахфани? – простонала она. – Отец, почему ты меня оставил? – заорала она, и тяжело осела на изувеченное тело молодого полицейского.

Настороженные мужчины медленно подошли к ней. Ингольф не сводил с неё заряженного на бегу ружья, опасаясь какого-нибудь подвоха. Другой, более

молодой мужчина, приблизился и потыкал в тело ещё дымящимся ружьём.

- Она… - начал он, и тут, словно сжатая пружина, женщина взвилась вверх и вцепилась окровавленными руками в его плечи, норовя впиться зубами ему в горло. От неожиданности он оттолкнул её разряженным ружьём и ударил прикладом, попав ей в плечо. Женщина взвыла. Ингольф вскинул ружьё и, почти не целясь, выстрелил, размозжив женщине голову. Кровь, осколки костей и жёлто-серая масса брызнули в стороны. Оглушённый нападением мужчина, дрожа, опустил своё ружьё. Клочья одежды свисали с его плеч в том месте, где в него вцепилась безумная женщина.

- Она… она мертва? – дрожащим голосом спросил он.

Ингольф подошёл и заглянул в её мёртвые глаза, осторожно опустился на колено и пощупал её пульс, приложил руку к груди, где расплылось пятно крови и покачал головой:

- Мертвее не бывает.

Он встал и перекрестился, глядя на тело, закутанное в тряпьё.

- Проклятие Стоура-Дуймун уничтожено, - произнёс он. Мужчина рядом перекрестился дрожащей рукой.

Ингольф перевёл взгляд на тело молодого полицейского, на котором лежало тело женщины.

- Глупый, ты, мальчишка, - с суровой нежностью сказал он. В его глазах блеснули слёзы.

Второй мужчина уже пришёл в себя. Он стоял, опершись о ружьё, хмуро глядя на два мёртвых тела.

- Их надо переправить в Торсхавн… - начал он.

- Сначала их надо доставить в «господский дом», - сурово оборвал его Ингольф. Мужчина, подумав, кивнул.

Ингольф бережно взял на руки безжизненное тело молодого полицейского, второй мужчина, не слишком церемонясь, закинул тело женщины себе на плечо, поморщившись от боли. И скорбная процессия направилась вдоль берега к тропинке, чтобы подняться более пологой дорогой на холм.

Поднявшись, они увидели спешащую к ним Алву. Заметив кавалькаду, она резко остановилась. Глаза Алвы на суровом лице метали молнии. Когда мужчины

приблизились к ней, она пренебрежительно кивнула на тело мёртвой женщины:

- Мёртвая?

- Мёртвая, как камни, - сурово сказал Ингольф. Нёсший её тело мужчина кивнул и как мешок сбросил его к ногам женщины.

- Она чуть не прикончила меня, - сказал он, показав свою разодранную одежду и глубокие царапины на горле.

Алва мрачно кивнула. Присев, она без церемоний задрала длинную юбку мёртвой женщины. Мужчина позади неё тихо охнул: сколько было видно, ноги женщины представляли собой две сросшиеся белые конечности, напоминавшие слипшихся питонов. И всё это заканчивалось развёрнутыми под немыслимым углом ступнями. Именно такой вид нижней части её тела наводил на мысли о русалочьем хвосте и русалках. Алва брезгливо одёрнула юбку на женщине и поднялась.

- Чего удивляться, что она спятила, - буркнула она. – Имея такое… - Она запнулась, подбирая слово. Не найдя, продолжила: - да ещё, когда в голове непорядок – начнёшь на людей бросаться. Зря отец Фолкор не определил её в какую-нибудь лечебницу…

- Её быстрее в цирк бы украли, - мрачно сказал Ингольф. – И на ярмарках показывали как живую русалку. А от этого тоже спятить можно: был я на континенте на такой. Там коротышку со страшным лицом выставляли в клетке. А вокруг люди кидали в него объедки, тухлые яйца и грязь. Мерзкое было зрелище. Он сам урод, так над ним ещё и издевались.

Остальные мрачно кивнули.

Мужчины взвалили каждый свою ношу и, предваряемые Алвой, направились к «господскому дому». Мистера Смита оставили лежать там, где его бросили, несмотря на его протестующие вопли.

Вечером в «господском доме» снова состоялся «военный совет». Грир Дуглас отчитался о последнем найденном полицейском и счёл свою миссию выполненной. Ингвару Смитссону было предъявлено тело женщины со сросшимися ногами. Также он выслушал рассказ свидетелей о последних минутах жизни своего молодого коллеги. Как человек государственной службы он был обязан арестовать мистера Смита и переправить его для суда в Данию.

Но всё осложнялось тем, что тот был подданным другого государства – британской короны. А политическая машина, замешанная на бюрократии, может повернуть дело так, что мистер Смит выйдет сухим из воды, а во всевозможных грехах и политических осложнениях обвинят датчан. В частности Ингвара Смитссона за то, что он посмел арестовать мистера Смита. Ингвар Смитссон прекрасно знал, как он обязан поступить. Но ему этого очень не хотелось. Как не хотелось защищать англичанина силами датских полицейских от фарерцев. Слушая крики о правосудии и карающей деснице королевы Виктории, оскорбления датчан вообще и фарерцев в частности, которые без устали изрыгал мистер Смит, он не слишком обеспокоился, когда однажды утром не нашёл его запертым в подвале. Так же безразлично он отнёсся к пропаже лодки и Ингольфа с Алвой и Евфимией и ещё парой фарерцев. У него были заботы поважнее: он собирался доставить в Торсхавн, а потом и в Копенгаген отчёты о своей расследовательской работе и тела погибших вместе с телом мёртвой преступницы. При наличии малого числа лодок ему надо было как-то выходить из положения, поскольку все не умещались на одной. Он не ожидал ничего хорошего от своего возвращения: половина его наличного состава была мертва, другая пребывала в различной степени истерии из-за расстроенной происходящими событиями психики. Однако, исследовав местность, где последним был убит его молодой коллега и застрелена ужасная женщина, он официально закрыл дело. Тем более, что в пещере рядом, чей вход был так искусно замаскирован, что даже Грир Дуглас не нашёл его ни разу, была обнаружена почти мумифицировавшаяся голова отца Фолкора. Также там были обнаружены разрозненные листки бумаги, где корявыми печатными буквами было написано, что «Бент можит научится ходит эсли сест лехкии и печен моладых лудей». Бент, видимо, было имя жуткой женщины. Учитывая всё это, Ингвар Смитссон не стал продолжать поиски останков отца Фолкора, а, собрав своих людей и реквизировав оставшиеся лодки фарерцев, отправился на Стреймой в столицу. Грир Дуглас отбыл с ним, прихватив свои инструменты. На острове остался только Бартал Дьюрхус, с тревогой ожидая возвращения своей жены. И Евфимии.

Всё то время, что Ингвар Смитссон ломал голову над дилеммой, связанной с мистером Смитом, Алва уже решила, что делать. Она поговорила с Евфимией и Ингольфом, и они сошлись во мнении, что англичанин заслуживает наказания. И в одно туманное и дождливое утро они бросили его, полусонного, с заткнутым ртом в лодку и отплыли в направлении Луйтла-Дуймун. Когда мистер Смит пришёл в себя, они уже подплывали к высоким скалистым берегам, над которыми летали стаи птиц. Там его словно куль с мукой выкинули на

прибрежные камни, не обращая внимания на протестующий крик боли, заглушённый кляпом. Вслед за ним полетели его вещи.

Когда ему освободили рот и развязали руки, он закричал, глядя на суровые лица фарерцев:

- Что вы задумали? Вы же не оставите меня здесь?

- Именно это мы и собираемся сделать, - произнесла Алва. Она холодно смотрела на него, и мистер Смит, наверное, в первый раз в жизни почувствовал всепоглощающий ужас, глядя в эти бесстрастные неумолимые глаза. Паника охватила его.

- Это бесчеловечно – бросать меня здесь! – закричал он, вбегая в воду за удалявшейся лодкой.

- Не более, чем бросить мальчишку на растерзание безумному чудовищу, - холодно отвечала Алва.

- Я испугался! – кричал мистер Смит.

- А отец Фолкор? – крикнула в ответ Алва.

- Я не трогал его! Он сам!.. – кричал в отчаянии мистер Смит, пытаясь догнать уплывавшую лодку. Он был уже по пояс в воде и шёл дальше, с трудом передвигая ноги в набегавших волнах.

- У тебя будет время убедить в этом господа бога! – громовым голосом произнёс Ингольф, вынув трубку изо рта. – Мы оставили тебе твои вещи и достаточно еды. На острове полно пещер – не умрёшь от холода…

- А свои бумажки можешь пустить на растопку! – крикнула Алва. – Небесам будет интересно почитать твоё враньё! Небесам! И больше никому! Ты больше не сможешь причинить зла ни одному человеку! Будь ты проклят!

И она смачно плюнула в его сторону. Ингольф посмотрел на неё, затем снова обратился к мистеру Смиту:

- В море полно рыбы, в небе – птиц. Через год я вернусь за тобой. Если ты будешь достоин.

И он сильнее заработал вёслами. Остальные рыбаки, взятые, скорее, для того, чтобы не дать мистеру Смиту сбежать от них и держать в лодке, пока его везли, чем для охраны женщин от него, сурово смотрели на отчаяние беснующегося мужчины. Евфимия мрачной тенью стояла в лодке, не произнеся ни одного

слова. Только бросила в его сторону щепотку какой-то травы и осенила его крестом. Мистер Смит, увидев, что лодка быстро удаляется, издал отчаянный вопль, тут же захлебнувшись волной, ударившей его в грудь. Отфыркиваясь, он продолжал кричать, то проклиная, то умоляя, то простирая руки, то грозя кулаками. Он кричал, пока не охрип, молча провожая удалявшуюся лодку, пока она не скрылась за пеленой тумана. Тогда он со всей силы стал молотить по воде, изрыгая проклятия охрипшим голосом. Словно в ответ где-то в небесах сверкнула молния и ударил гром. Мистер Смит вцепился в свои волосы и выдрал здоровый клок их. Потрясая над водой руками, он стал истерически смеяться: место одного сумасшедшего Фарерских островов занял другой.

А Алва, Евфимия и Ингольф высадились на Стоура-Дуймун, доставив по дороге до дома остальных сопровождавших их рыбаков. На вопросы Бартала Дьюрхуса, Алва лишь мрачно смотрела, не отвечая, пока в душу тому не начал закрадываться страх.

- Вы… вы же не убили его? – испуганно спросил он Алву.

- Нет, - мрачно ответила та. Бартал облегчённо вздохнул. – Мы предоставили это богу – наказать его так, как он того заслужил. – Бартал снова встревожился. Но Алва больше ничего не добавила. И на все остальные вопросы только мрачно молчала, сурово поджав губы. И испуганный Бартал оставил в покое жену с мыслью, что за все годы брака он так и не понял её, не разгадал до конца и не знает, что таится в её всегда такой простой душе. Однако, когда ему приходило в голову поворчать или накричать на неё, он уже с опаской поглядывал на её бесстрастное лицо. Но Алва ни разу не дала ему повода подозревать себя в чём-то жутком и нехорошем, став прежней безропотной женой на этом клочке суши на краю мира. И всё же, с того дня, как она и Евфимия с Ингольфом увезли бог весть куда мистера Смита, Бартал стал опасаться свою спокойную и невозмутимую жену. Что вызывало только усмешку на её губах, которая ещё больше пугала Бартала Дьюрхуса.

Что произошло после в Торсхавне или Копенгагене, на Стоура-Дуймун никто не знал: слишком малонаселённые острова, слишком сильные течения и слишком мало возможностей для обмена новостями, чтобы что-то доходило из внешнего мира постоянно и без искажений. Сейчас уже никто не вспомнит о том, что некогда малонаселённый остров подвергся нашествию полицейских и «проклятию русалки». Ныне на этом острове проживает всего 4 человека, и они уже не слышали всей истории. А если и слышали, то считают её сказкой. Другие события, никак не связанные ни с нечистой силой, ни с генетическим уродством,

ни с суевериями скандинавских сказаний заполнили сознание и мысли людей: оканчивалась великая эпоха – умерла королева Виктория, начинался XX век, рушились империи, разгорались войны, создавались другие государства. И только эти клочки суши в тумане и зелени были безмятежны и хранили в своих глубоких пещерах свои тайны.

[1] Игра слов: old Gerd – старая Герда (англ.).

[2] Существуют недостоверные данные о тайном браке между первым министром Франции кардиналом Джулио Мазарини и королевой-регентшей Анной Австрийской.

[3] Ивея – спокойная (сканд.)

[4] Целибат – обет безбрачия для священнослужителей в католицизме.

[5] Алва – эльф (сканд.).

[6] Грир – осторожный, бдительный (шотландск.).